

С. Н. Мещеряков

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
второй половины XII – XIX вв.

Краткий очерк истории

24219 90608

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

№ чит. билета	Срок возврата
24259	13.11.06
31300	28.4.02
51200461	9.05.07.12
3200562	9.05.07.15
120118	5.05.15

2980-18-04

С. Н. Мещеряков

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
второй половины XII – XIX вв.

Краткий очерк истории

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

МАКС ПРЕСС
МОСКВА
2004

7НИ (410-сс)

М - 565

УДК 82(091)

ББК 83.3(4)

М 56

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензенты:

к. ф. н., доцент А. Г. Шешкен (МГУ им. М. В. Ломоносова),
к. ф. н., ст. н. с. Н. Н. Старикова (Институт славяноведения РАН)

Мещеряков С. Н. Сербская литература второй половины
М 56 XII – XIX вв.: Краткий очерк истории: Учебное пособие. –
М.: МАКС Пресс, 2004. – 64 с.
ISBN 5-317-01087-X

УДК 82(091)

ББК 83.3(4)

2980 - 18 - 04

Московскому
университету

250
лет

ISBN 5-317-01087-X

© Мещеряков С. Н., 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
ДРЕВНЕСЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (вторая половина XII – 1770-е гг.)	7
Литература эпохи Неманичей (вторая половина XII – вторая половина XIV в.)	10
Литература послекосовского периода (конец XIV – конец XV вв.)	16
Литературная деятельность под властью турок (XVI–XVII вв.) и переходного периода к литературе Нового времени (до 1770-х гг.)	20
ЛИТЕРАТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ (1780-е гг. – конец XIX в.)	23
Литература эпохи Просвещения (классицизм и сентиментализм) 1780–1810-е годы	25
Литература переходного периода от классицизма и сентиментализма к романтизму (1820–1840-е годы)	28
Романтизм (1840–1870-е годы)	38
Реализм (1870–1890-е годы)	52

Вступление

Своеобразие сербской литературы в значительной мере определяется принадлежностью ее духовному наследию православного мира. Религиозная и культурная ориентация Сербии на Византию и впоследствии на Россию оказывала серьезное воздействие на национальную литературу в течение семи столетий. Западноевропейское влияние начинает сказываться лишь во второй половине XVIII–XIX вв.

Велика роль и других исторических обстоятельств. Формирование независимого сербского государства в XII–XIII вв. способствовало развитию духовной культуры, включая и литературу, а поражение сербов от турок на Косовом поле в 1389 г. в конечном итоге привело к падению сербской деспотовины (княжества) в 1459 г. и стагнации литературного процесса XVI–XVII вв. В свою очередь, многочисленные переселения сербов на территорию Венгрии после 1389 г., постепенное улучшение положения колонистов, а впоследствии первое (1804–1813 гг.) и второе (1815 г.) сербские восстания против турок и возрождение сербского государства в XIX в. способствовали продолжению традиций древней литературы и литературы новой.

Неравномерность исторического развития, периоды вынужденного застоя привели сербскую литературу в XIX в. к некоторому отставанию от развития европейских литератур и нарушению традиционной последовательной смены художественных направлений. Сербский литературный язык также прошел сложный и извилистый путь (сербскославянский, русскославянский, славяносербский и, наконец, народный, получивший окончательное признание лишь в середине XIX в.). Культурная жизнь в Сербии начала возрождаться к середине XIX в.

Вместе с тем древнесербская литература наряду с литературой древнеболгарской оказала определенное влияние на развитие литературы древнерусской, что нашло свое отражение, в частности, в феномене «второго южнославянского влияния». Неправомерно также рассматривать сербскую литературу лишь с точки зрения так называемых «больших литератур», выявляя, как и насколько ее развитие совпадало с общепринятыми нормами.

Специфика сербской литературы XII–XVIII вв., а в значительной степени и первой половины XIX в., заключена в ее преимущественном интересе к истории и ярко выраженной назидательности. Сербская беллетристика зарождается лишь в начале XIX в. и далеко отстает по художественным достоинствам от литературы историко-документальной. Интерес к истории сохраняется и в художественной прозе XX ве-

ка. Лучший роман лауреата Нобелевской премии И. Андрича «Мост на Дрине» (1945) написан в жанре хроники.

Развлекательным и развлекательно-поучительным целям в эпоху средневековья в основном служила переводная литература как византийского, так и западноевропейского происхождения. О популярности ее говорит тот факт, что хотя известное житие первого сербского архиепископа св. Саввы, написанное монахом Феодосием, дошло до нас более чем в 100 списках, переводной роман об Александре Македонском – в трехстах пятидесяти.

Велика роль и устного народного творчества, в значительной мере заменявшего в период турецкого владычества письменную литературу и оказавшего на последнюю огромное влияние в XIX–XX вв. В первой половине XIX в. сербская народная эпическая песня получает европейское признание.

ДРЕВНЕСЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(вторая половина XII – 1770-е гг.)

Оригинальная древнесербская литература представлена не столь большим числом произведений в сравнении с общим для восточных и южных славян фондом. Отмечено, что состав памятников XII–XVI вв. в Сербии в основном тот же, что и на Руси, и в Болгарии и что количество чисто национальных памятников сравнительно невелико в сопоставлении с числом памятников местного значения в России.

При этом в состав древнесербской литературы как литературы средневекового типа, сочетающей практические функции с эстетическими, входят в основном произведения, относимые к функциональным жанрам (религиозно-обрядовым и деловым), что позволяет говорить о сербской средневековой «книжности». Восприятие средневековым человеком бытия как совершенства предполагало отказ от эстетики как таковой и в то же время сильную эстетическую окрашенность мышления.

Бинарность средневекового мировоззрения определяет наличие двух жанровых подсистем (литература собственно церковная, духовная и литература «мирская», «светская»), хотя отнюдь не секуляризованная, составляющих жанровую систему древнесербской литературы. При этом «мирская» литература играла у сербов меньшую роль, чем на Руси. Популярный у русских жанр исторической повести, рисующей борьбу с внешним врагом или раскрывающей зло княжеских междоусобиц, не получил развития в Сербии.

В церковной литературе вслед за книгами Св. Писания идут творения отцов церкви, церковная гимнография и слова, связанные с толкованием Св. Писания, а затем жития и службы. Собственно сербская книжность представлена в основном двумя последними жанровыми формами, а также риторической поэтической прозой.

Среди жанров «мирской» литературы следует отметить исторические сказания и предания, входящие в состав летописей и хронографов (сборников, где путь человечества представлен от Адама и особое внимание уделено русской, болгарской и сербской истории), а также родословы, записи, поучения, послания, памятники деловой письменности. Хорошо известен «Законник» царя Душана (1349 г.), включающий в себя и автобиографию царя.

Жанровые границы древнесербской литературы представляются более размытыми в сравнении с литературой древнерусской, где жанр, как правило, определял образ автора и был тесно связан со стилем произведения. В древнесербской книжности эти условия часто нарушаются, когда речь идет о жанре, точнее о поджанре княжеского жития.

На Руси жанр *княжеского жития*, неизвестный ни византийской, ни болгарской агиографии, появляется в конце XI в. («Сказание о Борисе и Глебе»), часто близок летописным сказаниям и воинским повестям («Житие Александра Невского») и при всей своей популярности отнюдь не занимает господствующего положения в литературе.

В древнесербской литературе жанр княжеского жития, включающий в себя и житие церковные иерархов, т. е. князей церкви, составлял ее важнейшую часть и уже в силу этого отличался исключительным многообразием форм. Он стоит у самых истоков древнесербской книжности, именно в этом жанре наиболее полно проявились историзм, дидактизм и символизм древнесербской литературы, ее стремление к абстрагированию и элементы реалистичности, все богатство и разнообразие стилей.

Стилевая многоплановость жанра княжеского жития, стремление к простоте и ясности у одних авторов и торжественности и пышности у других в определенной мере связаны с решением важнейшего для подвижников вопроса выбора между отшельнической жизнью и церковной деятельностью. Отмечено, что «Житие св. Саввы» Феодосия, написанное стилем легким и языком доступным и проповедующее любовь и снисхождение к людям, было созвучно настроениям последователей Нила Сорского и пользовалось у них популярностью, а риторическое, официально-этикетное «Житие Стефана Дечанского», написанное игуменом сербского монастыря Дечаны Цамблаком, вызывало интерес у Иосифа Волоцкого.

Риторическая поэтическая проза представлена в основном *похвальным словом* святому. Повествовательное начало и описание исторических реалий в этом жанре было сведено к минимуму, а поэтическая приподнятость стиля в основном служила выражению патриотизма и непримиримости к врагам православия и Сербии.

В целом система жанров в сербской средневековой, т. е. традиционной, литературе не подвергалась коренным изменениям, но окончательный свой облик она приобретала постепенно. Жанры жития и службы у сербов появляются одновременно в начале XIII в., а летописи и родословы – лишь в последней четверти XIV в., когда распалось древнесербское государство династии Неманичей, и необходимо было сохранить историческую память о нем. В послекосовский период широкое распространение получает жанр плача, а в 30-е гг. XVIII в. появляется первая сербская драма, свидетельствующая о начале перехода к литературе Нового времени.

Определенным трансформациям подвергаются и отдельные жанры, в первую очередь, жанр княжеского жития. В XIV – начале XV вв. в нем проявляются тенденции, свидетельствующие об усилении в нем светского начала, приближения его к историческому повествованию и воинской повести. Однако почти в этот же период в сербской агиографической литературе усиливается и религиозное начало, связанное с утверждением исихазма.

Язык и стиль древнесербских книжников также несколько менялся в связи с определенными жанровыми трансформациями, хотя следование традиции и обраще-

ние к Библии и византийской литературе (псалмы, Евангелие, проповеди отцов церкви) играет важнейшую роль. Через византийскую литературу древнесербская приобретает к традициям античной риторики, прослеживается определенное сходство княжеского жития с античным романом. Обращение к контрастам, симметрично построенным фразам, изысканным метафорам, присущее античному роману и свойственное византийской литературе, находит свое проявление и в литературе древнесербской.

Особого внимания заслуживает получивший распространение в конце XIV – начале XV вв. эмоционально-экспрессивный стиль или «плетение словес», основанный на всестороннем подходе к слову. По словам Д. С. Лихачева, он отличается повышенным вниманием к звучанию слова (аллитерации, ассонансы), к его этимологии (связь однокоренных слов), семантике слов, калькированию греческих слов и т. д.

С учетом традиционности средневековой книжности с одной стороны и изменений, вносимых ходом времени, с другой, в древнесербской литературе можно выделить: а) литературу эпохи Неманичей (вторая половина XII – до конца XIV в.); б) литературу послекосовского периода (конец XIV – конец XV вв.); в) литературу времен турецкого господства (XVI–XVII вв.) и переходного периода к литературе Нового времени (до 1770-х гг.).

Переводная литература того времени в основном представлена прозой. Появляются рыцарские романы с условным обращением к античности («Сербская Александриада», «Роман о Трое») и собственно рыцарские романы («Тристан и Изольда», «Ланселот»), морально-поучительный роман («Варлаам и Иоасаф»), роман о животных («Стефанит и Ихнилат»), многочисленные рассказы византийского происхождения.

Апокрифическая литература обращается как к жанру традиционного жития, так и к жанру мистических и фантастических откровений и видений («Книга о Енохе», «Книга о Варухе», «Видение пророка Исаии», «Видение святого Павла», «Видение Богородицы»). В «Книге об Адаме» Ева рисует картину потерянного людьми рая, а в «Хождении Богородицы по мукам» представлены страдания грешников в аду.

Значительную роль играла и «ученая» переводная литература, начиная от «Физиолога», аллегорически толкующего мир людей через мир животных и кончая философскими и теологическими сочинениями Иоанна Дамаскина и Дионисия Ареопита и моральными поучениями Иоанна Лествичника.

В рамках устного народного творчества известны как прозаические, так и поэтические жанры: сказки, легенды, рассказы, пословицы, загадки, лирические и эпические песни.

Литература эпохи Неманичей

(вторая половина XII – вторая половина XIV в.)

Вряд ли возможно установить точную дату рождения древнесербской литературы. Известно, что уже в X в. византийские императоры пользовались не дошедшим до нас родословием рашских (сербских) правителей. Известны различные надписи X–XI вв., сохранившиеся на территории Сербии. Однако известное «Мирославлево евангелие» появляется лишь во второй половине XII в. В это же время написано «Королевство славян» или «Летопись попа Дуклянина», первое известное югославянское историческое сочинение, дошедшее до нас лишь в переводе на латинский язык. В 1199 г. сам Стефан Неманя, основатель первой сербской королевской династии, пишет грамоту монастырю Хиландар на Афоне, свидетельствующую об укрепившихся традициях деловых жанров в сербской книжности.

Однако по-настоящему сербская литература начинает развиваться с начала XIII в., когда св. Савва и Стефан Первовенчанный описывают жизнь своего отца Стефана Немани, первого сербского великого жупана (князя) канонизированного под монашеским именем Симеона.

Св. Савва (мирское имя Растко, 1175–1235 гг.), третий, младший сын Стефана Немани, был первым сербским архиепископом, выдающимся церковным и государственным деятелем. Его перу принадлежат устав Студеницкого монастыря, служба св. Симеону, сборник статей церковного и гражданского права, получивший название Саввиного Номоканона (Кормчей книги) и др. произведения. Первые три главы устава Студеницкого монастыря, посвященные его основателю Стефану Немани, вошли в историю литературы под названием «Жизнь господина Симеона» (реже «Житие св. Симеона») и являются одним из высших достижений сербской средневековой книжности.

«Жизнь господина Симеона», строго говоря, нельзя отнести к жанру жития, так как это произведение было написано до канонизации Стефана Немани в 1209 г. и по существу является рассказом о последних годах жизни мудрого и благочестивого монарха, ушедшего в монастырь.

В «Жизни...» два композиционных центра: отречение Немани от престола и его болезнь и смерть. Описание этих моментов занимает почти половину текста – около десяти страниц и отличается драматическим напряжением и лирическими интонациями.

Драматизм и лиризм сочетаются у Саввы с исторической достоверностью. Савва перечисляет все области, присоединенные Неманей к сербской земле, и все монастыри, им построенные. После 37 лет управления страной Стефан Неманя оставля-

ет престол среднему сыну Стефану и отправляется в монастырь Студеницу, а через два года на Афоне к Савве, где и строит монастырь Хиландар. Через год и пять месяцев пребывания на Афоне Симеон умирает (13 февраля 1199 г., все другие события также датированы с точностью до дня, хотя иногда заметна некоторая неувязка дат).

Через восемь лет после смерти Симеона Савва перевозит его останки в Сербию и, открыв гроб отца, находит его тело нетленным, что являлось важнейшим доказательством святости усопшего. Тем самым произведение Саввы с точки зрения темы несколько приближается к агиографическому жанру.

В «Службе св. Симеону» (1213, 2-я – 1237 г.) – Савва в первой стихии сравнивает первого сербского святого с Ильей-пророком, поднявшимся на огненной колеснице на небеса. При этом Илья-пророк не открыл другим путей восхождения на небо, а св. Симеон стал примером для своих потомков. В дальнейшем Симеон славится как проповедник истины, верный последователь Христа, устроитель церкви и чудотворец. Многократно звучит мотив отказа Симеона от земной жизни.

Король Стефан Первовенчанный (годы правления 1196–1227) в отличие от Саввы пишет настоящее «Житие св. Симеона» (1216), славя своего отца как великого монарха и святого. Произведение Стефана было написано накануне важных исторических событий – провозглашения Сербии королевством (1217) и получения сербской православной церковью независимости (автокефалии) (1219) – и должно было подтвердить обоснованность притязаний молодого государства.

В отличие от Саввы Стефан большую часть своего произведения посвящает описанию мирской жизни Немани и посмертным чудесам святого. Симеон у Стефана – Божий избранник, подобный судьбой своей Прекрасному Иосифу, а после смерти – защитник Стефана и сербского государства от внешних врагов и отступников.

Наконец, в отличие от Саввы Стефан Первовенчанный пишет возвышенным панегирическим стилем, в его произведении ясно проявляется стремление к абстрагированию, идеализации действительности. Стефан чаще, чем Савва, обращается к символике, риторике, библейским сравнениям. «Житие св. Симеона» Стефана в большей мере, чем произведение Саввы, соответствует канонам средневековой книжности.

Традиции простоты и ясности с одной стороны и возвышенной риторичности с другой, заложенные двумя сыновьями Стефана Немани, оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие сербской средневековой литературы. При Уроше I (годы правления 1282–1321), втором сыне Уроша I, пишутся иеромонахом Доментианом (середина XIII в.) и монахом Феодосием (конец XIII в.) два «Жития св. Саввы».

Доментиан известен и как автор «Жития св. Симеона», однако именно его сочинение, посвященное Савве, превосходит все сербские средневековые жития богатством теологической мысли, глубиной рассуждений об этических проблемах, риторичностью прославления сербского святого, возвышенностью языка проповедника.

Главная цель Доментиана – прославление св. Саввы, поставленного в один ряд с ветхозаветными пророками и апостолами. Одно сравнение с Моисеем дано на шести страницах и отличается красотой метафор и музыкальными риторическими повторениями. «Тот великий боговидец, – говорит Доментиан о Моисее, – получил таблицы закона – Богом начертанные письмена на каменных плитах. А этот преосвященный, – продолжает он о Савве, – не получил ничего ни на плитах, ни чернилом написанного, но новой апостольской благодатью принял Святым Духом освященные таблицы поучений духовных, которыми исполнил закон и просветил свое отечество».

При этом, как и в случае со Стефаном Первовенчанным, сравнивающим св. Симеона с Прекрасным Иосифом, здесь находит свое проявление принцип ретроспективной исторической аналогии, характерный и для древнерусской литературы и связанный с авторитарностью мышления средневекового книжника.

Доментиан славит Савву не только через описание его поступков и подвигов, но и непосредственно словом, называя его святым юношей, законодателем своего отечества, истинным истребителем безбожных еретиков, крепким помощником беспомощным, достойным собеседником св. апостолов и мучеников, богогласной трубой, позлащенной Св. Духом, отцом отцов всего отечества своего. Большую роль у Доментиана играют также гимнические похвалы св. Савве. Отмечено, что Доментиан в своем сочинении во многом предвосхищает стиль «плетения словес».

Конечно, Доментиан сообщает и конкретные факты жизни Саввы, говорит о его бегстве в юношеском возрасте на Святую Гору и пострижении в монахи, основании Хиландара, коронации Стефана, получении независимости сербской церковью, строительстве монастыря Жича, первом и втором путешествии Саввы на Восток, смерти Саввы в Болгарии при возвращении из второго путешествия и переносе его мощей в Сербию. Впрочем, и конкретные факты у Доментиана часто приобретают черты чудесных явлений.

В отличие от ученого теолога Доментиана Феодосий стремится к занимательности и увлекательности повествования, обращается, по его словам, «к речи разумной и языку ясному», начиная свое житие почти как повесть или роман: «Был сын у жупана великого Немани, господина сербского, который самодержавно управлял всеми сербскими землями...».

В тех же редких случаях, когда писатель обращается к возвышенному, патетическому языку, он тут же ищет для себя слова оправдания. Так, когда родители Растко (мирское имя Саввы), совсем не желавшие ухода их сына в монастырь, получили одежды и волосы Саввы, посланные им после пострижения в монахи, они «рыдали в плаче от боли сердца и, как львы, раздирая утробу свою, призывали любимого». «Не стыжусь говорить так, – продолжает Феодосий, – ибо словами Давида говорю».

Любовь к человеку и интерес к земной жизни проявляются у Феодосия везде. В исторических личностях и даже в личности св. Саввы он ищет чисто человеческие

черты, изображает их сомнения и колебания, рисует психологически убедительные сцены. Так, когда речь идет о поставлении Саввы во архиепископа, и византийский император, и патриарх почти радостно принимают это, но когда Савва заводит речь об автокефалии сербской церкви, византийский император «изменился в лице от такой просьбы», а «патриарху и всем знатным людям совсем неприятно было».

Любовь к жизни, поэтизация ее (особенно жизни монахов на Святой Горе) сочетается у Феодосия с критическим взглядом на действительность. У короля Радослава, первого сына Стефана Первовенчанного, его родной брат Владислав по-разбойничьи отнял престол, а жена Радослава изменяла ему с вельможей Фругом и, в конце концов, бежала от него к любовнику. Воины, посланные Стефаном Неманей в погоне за Растко в надежде вернуть его из монастыря, обращаются с монахами сурово и жестоко, избивают их и даже грозят предать смерти. Наконец сами монахи греческого монастыря Ватопед, где вначале живут Симеон и Савва, отличаются корыстолюбием. При этом речь, как правило, не идет о вмешательстве потусторонних сил, толкающих человека на злые дела, и провиденциализм, т. е. объяснение событий волей провидения, выражен у Феодосия несколько слабее, чем у Доментиана.

Феодосий известен и как автор небольшого (менее двадцати страниц) жития пустытника Петра Коришского. Отказываясь, как и в случае со св. Саввой, от риторического прославления святого, Феодосий стремится возвеличить его через повествование о его жизни и подвигах. Однако здесь славятся не великие дела, приличествующие «царскому сыну» и «божественному юноше» Савве, а скромность человека из народа, проведшего почти всю свою жизнь в одиночестве, в пещере, в молитвах к Господу и в борьбе с бесами.

Феодосий также пишет службы св. Савве, св. Симеону, св. Петру Коришскому и три канона, посвященных Иисусу Христу, св. Савве и св. Симеону. Наиболее известен «Общий канон св. Симеону и св. Савве на восемь голосов», где каждому голосу соответствует отдельный канон, что в итоге составляет восемь канонов. Феодосий – виртуоз стиха, каждая строфа семи песен первого канона начинается одним и тем же словом, в остальных семи канонах начальные буквы каждой строки составляют акростих, что в итоге составляет новую похвалу св. Симеону и св. Савве из семи стихотворных строк.

Интерес к земной жизни, характерный для Феодосия, находит еще более яркое проявление в творчестве архиепископа Даниила II (1267–1337) и его безымянного ученика. Сербия уже при Уроше I, наследовавшего престол своего отца Стефана Первовенчанного, значительно окрепла в экономическом отношении благодаря развитию горного дела, ремесла и торговли, а при Милутине в конце XIII в. значительно расширила свои территории в юго-восточном направлении. Столица Сербии была перенесена в Скопле, – столицу нынешней Македонии.

В дальнейшем, при сыне Милутина Стефане Дечанском (1321–1331) сербы наносят сокрушительное поражение болгарам при Вельбужде (1330 г.), и Сербия за-

нимает ведущее место среди балканских стран. Сербский престол уже не зависит, как ранее, от положения дел в Венгрии, Болгарии или Византии. Скромность и смирение как христианские добродетели уже не являются отличительной чертой Милутина в описании Даниила II, а Душан Сильный (1331–1355), сын Стефана Дечанского, по словам ученика Даниила, «прекрасен ликом своим и дивной красотой тела своего» и «страшен для врагов своих», сам нападает на Византию и захватывает «многие города того царства и многие земли той державы».

Укреплению сербского государства в определенной мере способствует деятельность Даниила II, искусного дипломата и крупного государственного деятеля, пользовавшегося доверием и Милутина, и Стефана Дечанского, и Душана Сильного (при том, что между Милутиным и Стефаном Дечанским, а впоследствии между Дечанским и Душаном Сильным шла напряженная борьба за власть, в ходе которой Дечанский вначале был ослеплен отцом, а потом свергнут с престола и задушен по приказу сына).

Плодом литературной деятельности Даниила и его продолжателей явился сборник «Жития королей и архиепископов сербских», где Даниилу принадлежали жизнеописания Уроша I, его жены Елены, их сыновей Драгутина (1276–1282) и Милутина и пяти архиепископов, а продолжателям – жизнеописание самого Даниила, а также Стефана Дечанского, Душана Сильного и четырех архиепископов.

Даниил II пишет свои произведения с точным указанием места и времени событий, сосредоточивает исключительное внимание на описании жизни хорошо знакомых ему людей. Ему чужды мистика и риторика Доментиана, поэтичность и лиризм, присущие Савве и Феодосию. Основная цель Даниила прославление династии Неманичей и объяснение, и оправдание недостойных поступков, совершаемых ее представителями. Когда Драгутин свергает своего отца Уроша I с престола, Даниил признает грех сына, но отмечает, что отец ранее обещал отдать Драгутину престол и не сдержал своего слова, несмотря на многочисленные просьбы своего чада.

Впоследствии в «Житии короля Драгутина» подробно описываются подвиги покаяния и аскетизма последнего и передачу им власти своему брату Милутину, чья биография представляет собой описание успешных непрерывных военных действий этого короля то против Византии, то против своих вельмож, то против болгарского князя Шишмана, то татарского хана Нагоя, то турок. Даниил славит Милутина как строителя многочисленных церквей и монастырей и отмечает при этом и его физическую красоту и его богатство, которому удивляются и завидуют многие соседние государи. Если богатство для Стефана Немани и Стефана Первовенчанного было лишь средством, позволяющим обеспечить щедрые приношения монастырям и церквям, то для Милутина в произведении Даниила оно приобретает и некоторую самостоятельную ценность.

В биографиях, написанных продолжателями Даниила II, также проявляется интерес к земной жизни. Примерно треть повествования в биографии Даниила, т. е.

около 15 страниц, посвящена его борьбе как игумена Хиландарского монастыря на Афоне с разбойниками, осаждающими обитель, причем настоятель монастыря представлен здесь как храбрый воин. Описанию собственно религиозной жизни Даниила, лишившегося впоследствии места игумена и одиноко живущего в монастырской башне, автор посвящает лишь несколько строк.

Другие произведения продолжателей Даниила – биографии Стефана Дечанского и начало биографии Душана Сильного – подчинены идее оправдания Душана, свергнувшего своего отца с престола и задушившего его. Стефан Дечанский по наговору дьявола, совершенно немотивированно с земной точки зрения, восстает против возлюбленного сына Стефана и хочет предать его смерти, а будучи разбит войсками сына, желающего примириться с ним, неожиданно умирает. Душан же впоследствии легко побеждает всех своих врагов, дрожащих уже от слухов о его приближении.

После продолжателей Даниила II в сербской литературе несколько десятилетий не появлялось значительных жизнеописаний королей и архиепископов. Окончательное завоевание Душаном Сильным Македонии, захват большей части Албании, провозглашение себя «царем сербов и греков» (1345 г.), а архиепископа Иоанника патриархом (1346 г.) привели к резкому обострению отношений с Византией и византийской церковью, предавшей, в конце концов, Душана и всю сербскую церковь анафеме. Примирение церквей и государств состоялось уже при князе Лазаре Хребеляновиче накануне Косовской битвы.

В подобной ситуации вряд ли могли быть созданы объемные, монументальные произведения в духе Доментиана. Жизнеописания, появляющиеся в этот период, отличаются краткостью и фактографией, дух и идеи этого времени часто находят проявление в грамотах, письмах, заметках на полях книг. Наиболее интересны грамоты царя Душана, выделяющиеся своей религиозностью и включением исповедальных молитв.

После смерти Душана Сильного сербское государство вступает в период феодальной раздробленности, усилившейся после смерти его сына Уроша V в 1371 г. В это время у сербов появляется жанр летописи, где также находит свое проявление стремление к краткости и фактографии. Первый образец такого рода, «Копориньская летопись», известная и под названием «Житие и жизнь королей и царей сербских», кратко и точно, без моральных поучений, обращений к Библии и сообщений о чудесах излагает историю сербского государства. Впоследствии в XV в. этот текст дважды дополнялся и получил название «Повесть о господах сербских».

Литература послекосовского периода

(конец XIV – конец XV вв.)

Конец династии Неманичей, распад древнесербского государства, катастрофическое поражение на Косово, ведущее к потере национальной независимости и завершившееся гибелью князя Лазаря, основателя новой, только зарождающейся династии, не могло не сказаться на мироощущении и миропонимании средневекового сербского книжника. Обостренное осознание трагизма земного существования дополнялось чувством торжества праведника, избравшего тяжкий крест страданий во имя «царства небесного».

В то же время сохраняется и даже усиливается и светское начало в литературе, что соответствует кратковременному усилению Сербии при наследнике князя Лазаря Стефане Лазаревиче (1389–1427). Невольным спасителем сербов стал «железный хромец» Тимур, разбивший турок и захвативший в плен султана Баязета в битве при Анкаре в 1402 г. Дальнейшая междоусобная борьба за власть в Турции ослабила страну, а мудрая политика Стефана Лазаревича, вовремя поддержавшего будущего султана, укрепила позиции Сербии.

Непосредственным откликом литературы на 1389 г. стал ряд произведений о Косовской битве, причем наиболее значительные из них возникли уже в 90-е годы XIV в. С 1392 по 1398 гг. появляются «Память князя Лазаря», «Служба князю Лазарю», «Слово о князе Лазаре», составленные неизвестным монахом (или монахами) из монастыря Раваница.

«Память князя Лазаря», несмотря на жанровое обозначение, приближающее это сочинение к похвальному слову, написана в традициях жизнеописания из Копоринской летописи. В четырех условно выделенных частях последовательно представлены происхождение и юность князя, обретение им престола и манера управления людьми, строительство монастырей и, в частности, Раваницы и, наконец, описание Косовской битвы и смерти князя.

В отличие от «Памяти...» «Служба князю Лазарю» полностью посвящена непосредственному прославлению сербского мученика и святого, победившего предводителя безбожных турок (султан Мурат I был убит в бою сербским феодалом Милошем Обиличем) и погибшего за православную веру. Важную роль играет и обращение к князю Лазарю с мольбой о помощи и защите.

«Слово о князе Лазаре» сочетает в себе повествование о событиях присущее «Памяти...», с эмоционально-патетическим строем «Службы...». Здесь после сцены битвы на Косово описаны вторжения «богомерзких майльтян» в Сербию, когда люди в горести кричали: «О земля, расступись, живыми прими нас всех!», когда «брат

брата обхватив слезы горькие проливал», когда напрасно родные обнимались и «руки вокруг шеи сплетали». В последней сцене при описании переноса тела князя Лазаря в Раваницу дан плач княгини Милицы, напоминающий плач Ярославны.

Плач княгини Милицы звучит и в «Слове о князе Лазаре», составленного патриархом Даниилом III в 1392–1393 гг. Как и в предшествующем случае литературные традиции в нем дополняются фольклорными: княгиня льет слезы о «любезном господине князе» и призывает «поля и долины» заплакать вместе с нею. Однако в «Слове...» Даниила яснее проявляется драматическое начало, что подтверждается даже мистическим диалогом погибшего Лазаря и плачущей Милицы.

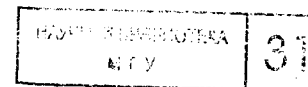
Князю Лазарю посвящает небольшой текст-молитву монахиня Ефимия, в прошлом жена крупного сербского феодала Углеше, погибшего в битве с турками на р. Марице в 1371 г. (роль битвы сербов с турками на р. Марице аналогична роли битвы русских с монголо-татарами на р. Калке). Молитва Ефимии отличается страстностью тона и исповедальным характером. Монахиня молит о победе православной церкви и сыновей Лазаря Стефана и Букана, вспоминает о радушном приеме, оказанном ей в доме Лазаря, просит святого смирить лютую бурю ее души и тела.

«Надпись на мраморном столбе на Косово» и, возможно, «Похвальное слово князю Лазарю» в начале XV в. (1402–1412 гг.) составляет сын князя Лазаря деспот Стефан Лазаревич («деспот» – титул, первый по рангу после царского). Поэтическое прославление князя-мученика, выражающееся и в гимнической форме («Радуйся, о Лазарь крестоносный»), дополняется здесь драматическим началом, проявляющимся в диалогах прародительницы турок Агари с дьяволом, а затем в беседе проповедника со слушателями и самим святым.

В «Надписи на мраморном столбе на Косово» отмечено влияние античных традиций, в соответствии с которыми на поле боя воздвигался памятник и указывались имена погибших героев. В описании сербских витязей историки литературы видят также некоторую близость европейской рыцарской поэзии, хотя в целом и это произведение ближе литературе церковной, чем светской.

Перу Стефана Лазаревича принадлежит и небольшое поэтическое послание «Слово любви», не связанное с темой Косовской битвы и адресованное, вероятно, брату Вуку. Автор славит любовь, призывает юношей и девушек возлюбить друг друга, но «истинно и незасорно», надеется на встречу с любимым человеком и воссоединение их любовью во Христе.

Последним произведением Косовского цикла стала «Похвала князю Лазарю», написанная Андоном Рафаилом Епактитом в 1420 г. и ставшая одним из высших достижений сербского «плетения словес». Гимнические похвалы Лазарю, рассуждения на религиозные темы, плач княгини Милицы отличаются ритмической организацией текста и исключительным богатством лексики. Многообразие эпитетов, обилие перифраз, постоянство инверсии придают произведению подчеркнуто возвышенный характер.

Возвышенный и патетический характер присущ многим сербским произведениям XIII–XIV вв., однако формирование и распространение стиля «плетения словес», пришедшие на конец XIV – начало XV вв., опирается на собственно идеологическую основу, оно тесно связано с исихазмом и языковой реформой болгарского патриарха Евфимия Тырновского. На Руси появление стиля «плетения словес» (конец XIV в.) было обусловлено как подъемом национального патриотического самосознания, так и обращением к опыту южнославянских литератур («второе южнославянское влияние»).

Учениками Евфимия Тырновского были Григорий Цамблак (1364–1420) и Константин Философ (Костенечский) (около 1380 – сер. XV в.), болгары по происхождению, внесшие заметный вклад в развитие и сербской литературы. При этом Цамблак, открытый сторонник исихазма, обращается к непосредственному утверждению религиозных идей, а Константин Философ придает жизнеописание монарха черты светского жанра.

Григорий Цамблак, придя в Сербию вскоре после 1402 г. и став игуменом монастыря Дечаны, пишет «Житие Стефана Дечанского». В своем произведении Цамблак выступает как апологет единой православной церкви, чуждый идей сербского патриотизма. Из предков Дечанского Цамблак вспоминает лишь Неманю, который отнюдь не святой, а лишь «добрый воин великого воеводы Христа», а потомков Немани хвалит лишь за то, что они боролись с ересью и благочестиво управляли народом и войском.

В произведении Цамблака доминирует строго религиозное мировосприятие. Стефан Дечанский – мученик в прямом смысле слова, без вины страдающий от отца своего и от сына. Стефан ревностно относится к службам в церкви и молитвам, он всегда проявляет христианское терпение, а после его смерти на могиле его происходят чудеса: исцеляются слепые, хромые, глухие и другие калеки. С другой стороны, Стефан Дечанский жестоко карает военачальников, издевающихся над монахами его монастыря.

Произведение Цамблака отличается патетичностью и стремлением к мелодраматическим эффектам. Герои его часто льют слезы, целуют и обнимают друг друга. Когда св. Николай предупреждает Дечанского о близкой смерти, последний со слезами на глазах бросается на землю и благодарит Бога и вестника вечного спасения.

В отличие от Григория Цамблака Константин Философ в своем произведении «Жизнеописание деспота Стефана Лазаревича» (1433–1439) стремится дать полнокровную историческую картину той эпохи. В произведении большое количество личностей, приводится множество исторических фактов. Прежде чем перейти к жизнеописанию деспота Стефана, Константин Философ описывает Сербию и ее население, уделяя первостепенное внимание материальным и природным богатствам страны. Он приводит точные географические данные о Дунае, о Саве, о расположении Белграда, говорит о внешнем виде и обычаях сербов.

Стефан Лазаревич представлен у Константина Философа как идеальный монарх и защитник своего отечества. Писатель мало говорит о юности Стефана, вынужденного служить турецкому султану Баязету и лишь после разгрома турок при Анкаре войсками Тимура получившего относительную самостоятельность. Гораздо большее внимание уделяет Константин Философ описанию двора деспота, его окружения, нравов сербов и турок, столкновению Стефана с его братом Вуком.

В сочинении Константина Философа крайне редки цитаты из Библии, зато часто приводятся высказывания Гомера, Платона, Аристотеля, Фукидида и других античных авторов, светский характер произведения проявляется постоянно.

Вместе с тем, смерть Стефана Лазаревича (1427 г.) описана Константином Философом в мистическом духе, так как в глазах его современников она знаменовала начало конца уже сильно стесненного в своих границах сербского государства. Действительно, при племяннике деспота Стефана Георгии Бранковиче (годы правления 1427–1456) территория сербского государства сокращается в несколько раз, а в 1459 году Сербия полностью теряет свою независимость.

Крушение государства не означало, однако, немедленного угасания литературной деятельности, и во второй половине XV в. появляются еще такие крупные писатели, как Димитрие Кантакузин и Константин Михайлович из Остроговиц.

Творчество Димитрия Кантакузина пронизано в основном религиозными идеями, главное его произведение – «Молитва пресвятой Богородице», где выделяется три основных момента: покаяние молящегося в грехах, страх смерти и Страшного Суда и обращение к Богородице за защитой.

В дальнейшем поэт переходит к восхвалению Богородицы, утверждая, что ради нее люди должны возликовать вместе с ангелами. Однако в целом произведение Кантакузина пронизано довольно мрачными предчувствиями, почти отчаянием.

В отличие от Кантакузина Константин Михайлович обращается к описанию реальной действительности и дает довольно полную и подробную картину состояния дел в Турции. Произведение состоит из трех примерно равных частей. Первая служит своеобразным введением и знакомит с турками в общих чертах. Константин Михайлович говорит о их вере, о пророке Магомете, о праздниках, особенностях национального характера.

Вторая часть носит исторический и автобиографический характер. Коротко сказав о Сербии при Стефане Лазаревиче, писатель описывает деятельность Георгия Бранковича, его отношения с венграми и турками, говорит о падении Царьграда и Смедерева, столицы Георгия Бранковича, говорит о своем участии в качестве янычара в освоении Боснии.

В третьей части Константин Михайлович вновь возвращается к описанию жизни турок, рассказывает о государственном устройстве Турции, об организации и вооружении турецкой армии, о дворцах султанов. Через все произведение Михайловича скрыто проходит призыв к христианским государям, к объединению и борьбе с турками.

Литературная деятельность под властью турок
(XVI–XVII вв.)
и переходного периода к литературе Нового времени
(до 1770-х гг.)

В течение XVI–XVII вв. литературная деятельность на территории Сербии почти замирает, а число грамотных людей катастрофически сокращается. Единственным оплотом сохранения письменной культуры является Печская патриархия (1557–1767 гг.), в подчинении которой находилась православная церковь Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, южной Болгарии. В это время усиливаются контакты с болгарской литературой, православие объединяет славян в борьбе с мусульманским игом, Софийская литературная школа становится значительным явлением для всех литератур южных славян. Так, «Житие Георгия Кратовца» попа Пейо (20-е годы XVI в.) и «Житие Николы Софийского» Матея Граматика (середина XVI в.) были записаны также и в сербской редакции старославянского языка.

Усиливаются в XVI–XVII вв. связи сербов с Россией, откуда сербские монахи привозят все больше печатных и рукописных книг. В этот период большое внимание уделяется собственно исторической литературе: хроникам, летописям, родословам, хронографам.

Наиболее важным явлением сербской литературы XVI–XVII вв. был патриарх Паисие (1614–1647 гг.), автор «Жития царя Уроша» (1642 г.) последнего представителя династии Неманичей. Написанное в духе традиционной агиографии, произведение Паисия все же отличается от предшествующих созданий подобного жанра: в нем заметно сильное влияние народных преданий, события в житии развиваются так же, как и в народных песнях. Вукашин Мрнявчевич, которому Душан Сильный якобы завещал царство до достижения Урошем совершеннолетия, убивает молодого царя на охоте, а впоследствии и сам погибает от руки турок, в чем автор жития видит перст Божий.

В дальнейшем Паисие рисует историю князя Лазаря, Стефана Лазаревича и Георгия Бранковича и сообщает об обретении мощей Уроша и обновлении его культа.

Литературная деятельность сербов, замершая в XVI–XVII веках, вновь оживляется в начале XVIII в. После ряда войн Австрии и России с Турцией значительная часть сербского населения переселяется на территорию южной Венгрии (переселения 1690 и 1739 годов), где создаются новые очаги религиозной, политической и культурной жизни. В это время древнесербская литература переживает период кратковременного возрождения. Популярность приобретают древние жанры: жития, церковная поэзия, беседы, хроники, описание «хождений» в «святую землю».

Однако в это время в литературе проявляются и новые черты, свидетельствующие о наступлении нового времени. Заметно влияние русско-украинского барокко,

помимо сербскославянского языка в литературе видны следы народного языка, литература испытывает сильное влияние устного народного творчества. Наиболее крупные представители этого периода – Георгий Бранкович (1645–1711), Гавриил Стефанович Венцлович (первая половина XVIII в.) и впоследствии Йован Раич (1726–1801) и Захарий Орфелин (1726–1785). Раич и Орфелин – наиболее значительные представители сербской барочной поэзии.

Георгий Бранкович – автор «Славяносербской хроники», раскрывающей историю славян в пяти книгах. Первая книга посвящена выявлению родословной славян, которую Бранкович выводит от Яфета, и описанию древних, восточных народов. Во второй книге Бранкович обращается к сербским мифам, народным обычаям и описывает зарождение династии Неманичей. Третья книга рисует историю Сербии от Стефана Первовенчанного до битвы с турками на р. Марице в 1371 г., в четвертой дана история князя Лазаря и последних сербских деспотов в Венгрии, а в пятой приводится генеалогия дома Бранковичей. Произведение Бранковича не отличается высокими художественными достоинствами, но оно оказало заметное влияние на развитие историографии и политической мысли у сербов.

Гавриил Стефанович Венцлович – автор ряда сборников («Слово избранное», 1739, «Почтение избранное», 1745 и др.), включающих в себя исторические повествования и легенды, проповеди и беседы. Когда Венцлович обращается к духовенству, он пишет на сербскославянском языке, когда к народу – на родном. Он предлагает реформу правописания, хочет упростить сербскославянский язык, со вниманием относится к народному творчеству.

В творчестве Венцловича проявляются определенные черты, роднящие его с литературой барокко и Просвещения. Для Венцловича жизнь подобна тени или театру, а мистические аллегории и метафизическая символика находят у него рациональное объяснение. Венцлович верит в силу просвещения. «Где нет науки, там и Бога среди людей нет», – утверждает он. Просветительские идеи тесно связаны у Венцловича с идеями патриотическим. По мнению Венцловича, гибель грозит непросвещенному народу, окруженному более развитыми в культурном отношении соседями. Иногда у Венцловича проскальзывают критические нотки и по отношению к монашеству, так как монахи его времени весьма далеки от просвещения.

Обращение Венцловича к народному языку в определенной мере предшествовало реформам Вука Караджича в XIX в., однако, сербская литература в XVIII и начале XIX вв. развивается и на русскославянском и впоследствии славяносербском языках. Причины подобных метаморфоз кроются в основном в особенностях исторической судьбы сербского народа. Оказавшись на территории католического государства, лишённые прочных традиций, своих учителей и школ, сербы обратились за помощью к единоверной России, усилившейся во времена Петра I. В 20–30-е гг. XVIII в. русские учителя Максим Суворов и Эмануил Козачинский открывают у сербов школы, Эмануил Козачинский пишет первую сербскую драму «трагикоме-

дию об Уроше V» русский язык становится образцом для подражания, сказывается сильное влияние русской и украинской школьной или барочной поэзии.

Йован Раич и Захарий Орфелин, крупнейшие представители литературы той эпохи, оба писавшие на русскославянском языке, представляют две противоположные тенденции в литературном процессе того времени. Йован Раич – представитель церковного просветительства, а Орфелин – светских устремлений литературы.

Одно из важнейших произведений Раича – поэма «Бой змея с орлами» (1791), где славится победа орлов (Австрии и России) над змеем (Турцией). В поэме проявляются и аллегорические и мифологические и исторические элементы, причем переплетаются они между собой крайне свободно, в духе барокко, представляя яркое выраженное соединение противоположностей.

Значительную историческую ценность представляет также «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов», опубликованная в 1794–1795 гг., а написанная еще в 60-е годы. Большое по объему произведение не выдерживает критического взгляда современного историка (так, Раичу не были известны сочинения Стефана Первовенчанного, Доментиана, Феодосия, Константина Философа, Цамблака), однако книга Раича была пронизана идеями патриотизма и способствовала просвещению сербов.

Захарий Стефанович Орфелин – автор первого сербского букваря (1767), издатель и редактор первого журнала у южных славян «Славено-сербский магазин», автор поэмы «Плач Сербии» и большого исторического сочинения «Житие и славные дела государя императора Петра Великого...» (1772 г., Венеция, 1774 г., Санкт-Петербург). Цель последнего сочинения Орфелина – прославление России, Петра и его просветительских устремлений.

Просветительские тенденции в творчестве Захария Орфелина и ранее Гаврила Стефановича Венцловича свидетельствовали об исчерпанности литературы средневековой и о приближении литературы Нового времени, начинающейся у сербов с вступлением в литературу крупнейшего национального просветителя Досифея Обрадовича.

ЛИТЕРАТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

(1780-е гг. – конец XIX в.)

Сербская литература Нового времени принципиально отличается от литературы древнесербской своим светским характером. Не отрицая религии, писатели в то же время отказываются от традиционной религиозности, разрушают каноны средневековой книжности. Активно развивается поэзия, начиная с 30-х гг. XIX в, заметных успехов достигает драма. Многократно возрастает роль познавательной, эстетической и развлекательной функций национальной литературы, хотя и идеологическая направленность сохраняет значимость. В отличие от литературы средневековой сербская литература Нового времени начинает постепенно вытеснять фольклор, предварительно запечатленный в опубликованных поэтических и прозаических сборниках. Переводная литература также теряет монопольные права, присущие ей ранее в ряде областей литературной жизни.

Вместе с тем в Новое время традиции древнесербской литературы не прерываются окончательно: сербская литература вплоть до конца XIX в. отличается некоторым дидактизмом, проявляющимся даже у художников-реалистов. Сохраняется до конца 40-х гг. XIX в. эстетическое превосходство историко-документальной литературы над беллетристикой.

Потеря сербским народом независимости и государственности в эпоху средневековья тяжело сказалась и на литературе Нового времени. Сербь, проживавшие на юге Венгрии, входившей тогда в состав Австрийской монархии, лишь во второй половине XVIII в. получают некоторую возможность подключиться к европейскому литературному процессу и создавать произведения в духе времени, ведя при этом упорную борьбу за родной язык с венгерской администрацией. Однако большая часть сербского населения, проживающего под властью турок, даже после Второго сербского восстания 1815 г. была лишена и этих возможностей и длительное время находилась в культурной изоляции. Велика школа (будущий университет) и семинария, открытые в Белграде после успешного начала Первого сербского восстания, были закрыты турками в 1813 г. и лишь в 1831–1836 гг. возобновили свою деятельность. Периодические издания на территории Сербии начинают выходить лишь с конца 30-х гг. XIX в. («Голубица», 1839–1844, «Подунавка», 1843–1848), хотя книжный магазин был открыт в Белграде уже в 1820 г.

Неравномерность исторического, политического, культурного развития обусловила неравномерность развития литературного, нарушение установившейся в Европе последовательности смены литературных направлений и ускоренное развитие

как следствие предшествующего отставания. В первой половине XIX в. сербская литература развивается в значительной мере за пределами Сербии на юге Венгрии (территория нынешней Воеводины, автономной республики в составе Сербии) и в Черногории.

На территории Воеводины сербская литература, следуя духу времени, обращается в конце XVIII – начале XIX вв. к сентиментализму и в то же время продолжает традиции европейской литературы XVI – XVIII вв., как бы наверстывая упущенное. В дальнейшем в 1870-е гг. центр литературной жизни перемещается из воеводинского г. Нови-Сад в Белград, находящийся на территории Сербии, однако «определенное противостояние «городской» и «культурной» Воеводины «крестьянской» и «неграмотной» Сербии остается. Вплоть до 1890-х гг. у сербов к югу от Дуная господствует в прозе не роман, а рассказ с крестьянской тематикой, противостояние города и села отражается в литературе и впоследствии.

На территории Черногории развитие литературы, не воспринимавшейся тогда в качестве национально обособленной, связано в первую очередь с именем выдающегося поэта и черногорского владыки Петра Петровича Негоша (1813–1851) и приходится на 30–40-е гг. XIX в. Обращаясь к традициям мировой литературы и национального фольклора, Негош идет в своем развитии от классицизма к романтизму. В дальнейшем литературная жизнь в Черногории замирает и переживает некоторое, относительное возрождение только в 70–90-е гг. в связи с деятельностью Степана Митрова Любиши, Марко Милянова и черногорского князя Николая Петровича Негоша.

Регионализм представляет важную отличительную черту сербской литературы XIX в. Определенному преодолению его способствовала реформа языка, проведенная Вуком Стефановичем Караджичем в 1810–1850-е годы. Вместо искусственного славяносербского языка, составленного из элементов церковнославянского, русского и народного языка, В. Караджич обратился к народному языку, поставив тем самым под сомнение и достижения современной ему литературы. Демократизация языка затрагивала и другие стороны общественной и духовной жизни сербов, вследствие чего реформа растянулась на несколько десятилетий, а литература какое-то время создавалась на обоих вариантах языка.

Переход к народному языку, исключительное богатство сербского фольклора и романтическое отношение к нему со стороны писателей ведут к утверждению фольклорной основы сербской литературы XIX в., как в период романтизма, так и реализма.

Конечно, выделение «романтического» и «реалистического» периодов несколько условно, так как в определенной мере они совпадают, однако с учетом условности любой схемы при периодизации литературы Нового времени можно выделить: а) литературу эпохи Просвещения (классицизм и сентиментализм), 1780–1810-е годы; б) литературу переходного периода от классицизма и сентиментализма к ро-

мантизму, 1820–1840-е годы; в) романтизм, 1840–1870-е годы; г) реализм, 1860–1890-е годы.

Литература эпохи Просвещения (классицизм и сентиментализм)

1780–1810-е годы

Определенная близость идеям Просвещения наблюдалась уже в творчестве Г. Ст. Венцловича, Й. Раича и З. Орфелина, однако первым подлинным просветителем в сербской литературе выступает Досифей Обрадович (1739–1811). Его главное, автобиографическое по характеру свое произведение «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, в монастыре нареченного Досифеем» (в двух частях, Лейпциг, 1783 и 1788 гг.) в миниатюре отразило многие важные черты духовных исканий сербского народа в предшествующие столетия и наметило пути в будущее.

Из «Жизни и приключений...» известно, что уже в детстве у Досифея проявилась любовь к книгам и путешествиям и он буквально «глотал» жития святых, желая идти путем мучеников и аскетов. В юношеские годы Д. Обрадович предается подвигам умерщвления плоти в монастыре Хопово в Воеводине и уподобляется святому в глазах местных жителей. Однако, столкнувшись впоследствии с полным непониманием со стороны монахов, Досифей покидает негостеприимную обитель.

В дальнейшем Д. Обрадович постоянно перемещается по Австрийской империи, некоторое время живет на территориях, принадлежащих Турции, посещает западные окраины России, совершает путешествие в Париж и полгода проводит в Лондоне. В начале 80-х годов Д. Обрадович посещает лекции в университете немецкого города Галле и вскоре отказывается от ранее принятого сана священника. В 1806 г. Д. Обрадович переходит на освобожденную территорию Сербии, открывает в Белграде Велику школу и семинарию, а незадолго до смерти назначается членом правительства и первым «попечителем просвещения» в Сербии.

Внешне жизненный путь Д. Обрадовича несколько напоминает стезю св. Саввы (ранний уход в монастырь) или христианских паломников, проводящих большую часть жизни в дороге. У Д. Обрадовича не было семьи, его доброжелательность и скромность отмечались всеми современниками. Наконец, появляется и биография Досифея, что напоминало о биографиях сербских архиепископов. Однако формальное сходство лишь подчеркивает глубинные расхождения, так как Д. Обрадович уходит из монастыря, отрекается от сана, обращается к науке и просвещению. Сами его переселения обусловлены тягой к изучению иностранных языков (Досифей знал церковнославянский, древнегреческий и латинский языки, а также новогреческий, английский, немецкий, французский, итальянский) и стремлени-

ем к приобретению знаний из разных областей науки (теология, философия, физика), а биография его написана им самим.

В «Жизни и приключениях...», равно как и в «Письме Харалампию», «Советах здравого разума», в «Баснях», в «Собрании разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение», в «Любимом дитяти» Д. Обрадович утверждает веру в разум и науку, выступает против религиозного фанатизма, требует церковных реформ. Д. Обрадович полностью отрицает монашество, поддерживает реформы Иосифа II, направленные на борьбу с частыми церковными праздниками и народными предразсудками, а также на перенос бракоразводных процессов из церковных судов в гражданские.

Вместе с тем Д. Обрадович далек от крайностей европейского, и в частности французского, Просвещения. Он не отрицает роли белого духовенства как просветителя народа, решительно выступает против материализма. С точки зрения Д. Обрадовича, совершенство мира и царящая в нем целесообразность предполагают наличие Творца, так как в противном случае в жизни воцаряются, беспорядок и бессмысленность – сущая противоположность Разуму. Разум, по мнению Д. Обрадовича, позволяет человеку познать идею Бога, не являющуюся врожденной (здесь сербский просветитель близок сенсуалистам).

Очевидна близость Д. Обрадовича Ж. Ж. Руссо, представителю сентиментализма, последнего этапа Просвещения. Здесь и сходство жизненного пути, и утверждение роли чувства в жизни человека, и идея религиозной веротерпимости, и родство манеры повествования в «Исповеди» и «Жизни...» (объективный характер изложения и сентиментальный тон произведения). Вместе с тем Д. Обрадович критикует теорию «естественного человека» Руссо и во многом расходится с ним во взглядах на воспитание. Чувство у Д. Обрадовича не противостоит, а предшествует разуму, и лишь разум выделяет человека из окружающей природы.

Просветительские идеи Д. Обрадовича во многом обуславливают его отношение к национальному вопросу. Д. Обрадович впервые выводит патриотизм за границы православия, выделяя народ «по крови и языку» и относя к сербскому народу не только православных, но и католиков и мусульман. Высоко ценя свое отечество, Обрадович резко выступает против национальной исключительности и презрения к другим народам. Патриотические устремления Д. Обрадовича проявились и в его государственной деятельности в конце жизни, и в «Песни на восстание сербов» (1804 г.).

Уважение к собственному народу проявляется у Д. Обрадовича и в языке, и в манере письма. Д. Обрадович фактически первым обратился к употреблению народного языка, выдвинул требование единого сербского языка. Конечно, язык Д. Обрадовича, родившегося на границе с Румынией и проведшего значительную часть жизни за рубежом, не был чистым народным языком. Не было еще и грамматики народного языка. Однако стремление к простоте и ясности повествования, частые

обращения к читателю, создание атмосферы дружелюбия и непосредственности во многом способствовали популярности произведений Д. Обрадовича.

Сентиментальный тон, похвала чувству, гимн природе и ее красотам сочетаются у Д. Обрадовича с юмором и иронией, «советами здравого разума», замечаниями психологического характера, частыми отступлениями-размышлениями. Соединяя дидактизм с развлекательностью, научно-популярные жанры с элементами беллетристики, философию с поэзией, Д. Обрадович стал для современников и потомков явлением эпохальным, свидетельством Нового времени. Не случайно собрание сочинений Д. Обрадовича (1833–1844) впервые в истории сербской литературы удостоилось переиздания (1850 г.). Дата переиздания свидетельствовала и о том, что идеи Д. Обрадовича были актуальны для Сербии, по крайней мере, в течение полувека.

У Д. Обрадовича было множество учеников и сторонников, вступивших в литературу в конце XVIII – начале XIX вв. Йован Мушкатирович печатает первый в сербской литературе сборник пословиц (1787), Эммануил Янкович вводит в сербскую литературу комедию, переводя и переделывая произведения с немецкого и итальянского образцов, Атанасий Стойкович пишет первый оригинальный сербский роман «Аристид и Наталия» (1801 г.), где в полной мере проявляются дух и поэтика сентиментализма.

Идеям Д. Обрадовича следует и первый сербский романист Милован Видакович (1780–1841), автор «Уединенного юноши», «Велимира и Босильки», «Любомира в Элизуме» и других произведений, написанных в основном в 1810–1820-е гг. и переиздававшихся вплоть до 1880-х гг. В книгах Видаковича заметно переплетение элементов античного, рыцарского и сентиментально-просветительского романа, свидетельствующее о стремлении сербской литературы к всестороннему освоению европейского наследия.

Ближе к реальности «Известие о походе...» сербского офицера Симеона Пишчевича (1731–1797), переселившегося в Россию и дослужившегося до чина генерал-майора. Его произведение, включающее в себя элементы автобиографии и исторического повествования, было написано и впоследствии опубликовано на русском языке, послужив выдающемуся сербскому писателю XX в. Милошу Црнянскому исходным материалом для романа «Переселения». Сербский перевод талантливого творения Пишчевича появился в Югославии в 1961–1963 гг. под названием «Мемуары».

Судьба Симеона Пишчевича не была исключением: начиная с середины XVIII в. множество сербов перебираются в Россию. Среди них были и будущие профессора Харьковского университета А. Стойкович (автор «Аристиды и Наталии») и Глигорие Трлаич (Григорий Терлаич), оба довольно известные поэты своего времени, причем в творчестве Г. Трлаича сильнее проявились элементы сентиментализма, а в поэзии А. Стойковича – классицизма.

Наиболее крупным представителем классицизма в поэзии (в прозе и драматургии классицизм не нашел яркого проявления) стал архимандрит Шишатовского монастыря Лукиан Мушицкий (1777–1837). Свои первые оды он пишет уже в конце XVIII в., однако к античным размерам обращается лишь после 1810 г. Так написана ода «Тени Досифея Обрадовича» (1811 г.):

*Ти себи ветни воздвиже памјатник,
К високој цели влекушт пресилно род.
Погивај тихо, душе гисти,
С крепкима духови храбрих отцев...*

Патриотические и просветительские идеи Л. Мушицкого ярко отразились в его лучших стихах «Глас народолюбца» и «Глас арфы из Шишатоваца».

Л. Мушицкий был хорошо знаком с немецкой, французской, венгерской, английской, итальянской, русской литературой (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). Его образованность и поэтические способности привлекали многих поэтов. Школу Л. Мушицкого прошел П. П. Негош.

Литература переходного периода от классицизма и сентиментализма к романтизму (1820–1840-е годы)

Просветительские идеи привлекают внимание в Сербии на протяжении всей первой половины XIX в., однако уже в 20–30-е годы возникают предпосылки для формирования романтизма. В этот период начинается возрождение и формирование национального государства (хотя полной независимости Сербия добилась лишь после войны 1876–1878 гг.), укрепляется идея национального единства, утверждается мысль о народе как о ядре нации. Романтические идеи обращения к устному народному творчеству, получившие широкое распространение в Германии и Австрии, становятся актуальными и для сербов. Не менее важной представлялась и реформа литературного языка.

Чрезвычайно важную роль в духовном и культурном преобразовании Сербии играет Вук Стефанович Караджич (1787–1864), реформатор языка, крупнейший фольклорист, выдающийся историк, один из первых литературных критиков. Крестьянин по происхождению, самоучка, серьезно занявшийся своим образованием лишь после знакомства в Вене в 1813 г. со словенским ученым Ернеем Копитаром, В. Караджич проявляет исключительные филологические способности и

уже в 1814 г. издает грамматику сербского народного языка и сборник сербских песен, а в 1818 г. совместно с Е. Копитаром – словарь народного сербского языка.

Обращение к народному языку и фонетическому письму, введение латинской буквы Ј (в чем сразу же увидели знак унии) встретило враждебное отношение сербских консервативных кругов и особенно церкви, обостренное бескомпромиссной позицией В. Караджича. Обе попытки ученого в начале 20-х и в начале 30-х годов закрепиться в Сербии оказались безрезультатными, и он вместе со своей женой немкой навсегда остается в Вене. Впоследствии, правда, В. Караджич получает небольшую пенсию от сербского правительства и неоднократно посещает родную страну.

Немалую роль в борьбе В. Караджича сыграло его международное признание, особенно в России (оплоте православия и защитнице сербов!) и в Германии. Караджич поддерживает связи с Гете и Я. Гриммом, Жуковским и Румянцевым, Карамзиным и Шишковым. Российская Академия наук награждает сербского ученого Серебряной, а впоследствии и Золотой медалью, избирает своим членом. С 1826 г. В. Караджич получает регулярную денежную помощь русского правительства, а в конце жизни награждается Орденом св. Анны. В Германии В. Караджича уже в 1823 г. избирают почетным доктором философии Иенского университета, а в 1850 г. – почетным членом Берлинской Академии наук.

Много воодушевленных последователей было у В. Караджича и на родине. Среди них выдающийся филолог Дж. Даничич (1825–1882) и замечательный поэт-романтик Б. Радичевич (1824–1853), во многом способствовавшие победе идей Караджича, наметившейся к середине XIX в.

Переломным стал 1847 год, когда выходят в свет перевод «Нового Завета» Караджича, полемический труд «Война за сербский язык и правописание» Дж. Даничича и «Стихи» Б. Радичевича. Чуть позже, в 1850 г. между В. Караджичем и деятелями хорватской литературы заключается соглашение о едином литературном языке на основе штокавского диалекта. Окончательное признание реформа В. Караджича получает спустя десять лет.

Заслуги В. Караджича – реформатора языка огромны, и с ними могут быть сравнимы лишь заслуги Караджича – фольклориста. До В. Караджича лишь немногие деятели культуры обращались к устному народному творчеству (Г. Ст. Венцлович, Й. Мушкатирович), и интерес их еще не был глубоким и осмысленным. В. Караджич воспринимает вслед за Е. Копитаром представление о фольклоре как о свидетельстве национальной самобытности или, говоря языком романтиков, как о проявлении души нации. Около полувека отдает сербский ученый собиранию, редактированию и изданию народных эпических и лирических песен, пословиц, поговорок, сказок, народных обычаев.

Особое внимание В. Караджич уделяет народной поэзии и, в частности, эпическим песням, сразу же получившим европейское признание. Их начинают изучать и пере-

водить виднейшие европейские поэты и ученые: Гете, Гримм, Гумбольдт, Пушкин, Мицкевич. Широко известна мистификация П. Мериме, появившаяся во Франции в 1822 г. под названием «Гюзла», где писатель представил свое произведение под видом «иллирийских народных песен». Мистификации этой поддался и Пушкин, создавший свой цикл «Песни западных славян». В Германии в 30-е годы выходит шесть книг переводов сербских народных песен.

Деятельность В. Караджича – фольклориста нашла живой отклик среди югославянских народов. С. Милутинович-Сарайлия издает «Песни черногорские и герцеговинские» (1833), С. Враз – «Народные иллирийские песни», П. П. Негош – «Зеркало сербское» (1845). Фольклорные мотивы проявляются в творчестве большинства югославянских поэтов.

Чрезвычайно важны труды В. Караджича – историка. По словам крупнейшего исследователя сербского романтизма М. Поповича, Вук Караджич – первый великий писатель, писавший на чистом сербском языке. Во всех своих исторических произведениях, опубликованных в основном в 20–30-е годы XIX в. («Житие Гайдюка-Велько Петровича», «Милош Обренович, князь Сербии», «Как сербский Плу-тарх» и др.), В. Караджич стремится ярко и красочно запечатлеть свою эпоху, дать запоминающиеся портреты современников. Драматические и трагические события представлены реалистически живо и убедительно, хотя в некоторых случаях писатель-историк придает своим героям несколько романтический ореол (Гайдук-Велько Петрович).

Как историк, В. Караджич также помог Европе познакомиться с Сербией и Черногорией: опираясь на материал Караджича, немецкий ученый Л. Ранке пишет известный труд «Сербская революция» (1829 г.), а сам В. Караджич в 1837 г. издает в Германии на немецком языке историческое и этнографическое сочинение «Черногория и черногорцы».

Литературно-критические работы В. Караджича немногочисленны и невелики по объему, но важны и принципиальны. Две рецензии на романы М. Видаковича «Уединенный юноша» и «Любомир в Элизиуме», написанные В. Караджичем соответственно в 1815 и 1817 годах, свидетельствовали о зарождении сербской критики, и вели к острой литературной полемике. Критикуя в первую очередь язык Видаковича и закладывая тем самым основы филологического подхода к произведению, В. Караджич во второй рецензии показал психологическую неубедительность и логические несурзности у Видаковича, а главное, незнание последним народной жизни. Сочетание фольклорно-романтического начала со здравым смыслом народного миропонимания определяет своеобразие эстетических концепций В. Караджича.

В отличие от большинства исторических сочинений В. Ст. Караджича, «Мемуары» протоиерея Матеи Ненадовича (1777–1854) были опубликованы лишь в 1867 году и лишь в наше время, равно как и «Мемуары» С. Пишчевича, оценены по достоинству. Известный воевода и видный дипломат, основатель Правительствующе-

го совета Сербии М. Ненадович пишет в основном о начале победоносного шествия Первого сербского восстания. Судьба мемуариста тесно связана с судьбой его страны, он прекрасно осознает важность происходящих исторических событий и воссоздает их поэтическим языком, присущим талантливому устному повествованию. Яркие портреты современников дополняются размышлениями о превратностях судьбы, незаметные поучения сливаются с юмористическими сценами. Интересен рассказ о путешествии М. Ненадовича в Россию.

Близость устному народному повествованию, трезвый народный взгляд на вещи придавали историческим сочинениям В. Караджича и М. Ненадовича целостный и законченный характер, выгодно отличавший их от известного труда С. Милутиновича (1791–1847) «История Сербии с начала 1813 до конца 1815 года» (1837). Романтическое желание автора истории Второго сербского восстания «охватить все»: передать эпический размах событий и привести множество не столь значимых фактов, выразить лирические чувства и раскрыть драматизм ситуаций – столкнулось с недостатком таланта С. Милутиновича, не сумевшего подчинить себе огромный материал.

Грандиозность замысла, стремление к синтезу еще отчетливее проявились в масштабной эпической поэме С. Милутиновича «Сербиада» (1826 г.), воспевающей Первое сербское восстание. Следование канонам классицизма (в первую очередь поэме М. Хераскова «Россияда») дополняется обращением к народной поэзии, стихотворная хроника исторических событий благодаря подчеркнутой «поэтичности» языка и постоянному обращению к мифологизмам должна была, по замыслу автора, превратиться в могучий эпос.

Усложненность синтаксиса, обилие неологизмов, сочиненных С. Милутиновичем и не шагнувших далее «Сербиады», нагромождение античных имен и названий оттолкнули от поэмы большинство читателей-современников и в то же время способствовали всеобщему убеждению в «гениальности» ее автора. Гете предлагал перевести «Сербиаду» на немецкий язык, выдающиеся поэты П. П. Негош и Б. Радичевич видели в С. Милутиновиче исключительный талант, почитатели венчали его лавровым венком.

История отвергла столь завышенную оценку, но вместе с тем глубина мысли и отдельные поэтические озарения С. Милутиновича не подлежат сомнению. Его лучшие философские «космические» стихи, написанные почти на чистом народном языке в романтическом духе, оказали значительное влияние на П. П. Негоша.

В то время как С. Милутинович-Сарайлия выступал уже как провозвестник романтизма, большинство сербских поэтов находилось под сильным влиянием Л. Мушицкого, часто обращалось к творчеству Горация. Однако к концу 30-х годов в их творчестве все яснее проявлялись следы народной поэзии, и предромантизм Шиллера привлекал уже не менее классической ясности Гете. Даже самый ожесточенный противник В. Караджича Йован Хаджич (1799–1869), активно борющийся против введения народного языка в 30–40-е годы, вынужден отступать от заве-

тов своего учителя Л. Мушицкого. Классическую «Поэтику» Горация Й. Хаджич переводит как гекзаметром, так и народным десятисложным стихом, народным десятисложником начинает он перевод «Слова о полку Игореве», свидетельствующий о характерном для романтиков интересе к национальному прошлому.

Вместе с тем Й. Хаджич никогда не избавился от назидательности, характерной черты сербской сентименталистской прозы 20–40-х годов. Образцом здесь остается Видакович, популярный вплоть до утверждения реализма, хотя публикация в 1838 г. первой части пародийного «Романа без романа» Йована Стерии Поповича (1806–1856) свидетельствовала об исчерпанности возможностей авантюрно-рыцарской и сентиментально-дидактической прозы.

«Роман без романа» Й. Стерии Поповича, окрещенный сербским «Дон-Кихотом», пародировал и его собственные ранние рыцарские романы, типа «Бой на Косово, или Милан Топлица и Зораида», с их нагромождением событий, нарушением правил здравого смысла и чувствительной любовной историей. Так, герой произведения Роман, отправившийся путешествовать в поисках подвигов, почти мгновенно и незаметно для себя оказывается в Египте, неизвестно для чего крайне настойчиво будит жителей сонного городка и без боя сдается им. На свободу Романа выпускает влюбившаяся в него дочь смотрителя тюрьмы по имени Чимпиприч, отличающаяся редким уродством, а Роман, как истинный рыцарь, обещает жениться на ней и, конечно, не держит слова.

В дальнейшем развитие событий неожиданно прерывается и становится ясно, что произведение Стерии, насыщенное многочисленными отступлениями и разговорами с читателем, населенное абстрактными героями-масками, лишенное логического сюжета, направлено и против самой романной структуры, являя собой пример самопародирования жанра.

Самопародирование романа не было продолжено у Стерии самопародированием драмы, хотя ранние его пьесы, «жалостные» или «героические» «зрелища», мало чем в художественном отношении отличаются от ранних романов. Более того, в 40-е годы, то есть спустя пятнадцать-двадцать лет Й. Попович вновь обращается к исторической драме и трагедии. Он пишет трагедии «Смерть Стефана Дечанского» и «Владислав» (об одном из первых, легендарных князей Сербии, злодейски убитом родственниками); по мотивам народной песни создает драму «Гайдуки», а в театральных представлениях «Торжество Сербии» и «Сон Королевича Марко» Й. Попович славит родную страну.

Поздние драматические произведения Й. Ст. Поповича были тепло приняты публикой: национальная история, патриотические чувства, сильные страсти и яркие личности не могли не привлечь внимания зрителей в годы успешной борьбы за национальное освобождение, в период формирования романтического сознания.

Большую роль сыграло, безусловно, и возросшее мастерство автора. Однако лишь комедия раскрыла истинную меру таланта Й. Ст. Поповича и позволила наз-

вать его классиком национальной драматургии, «сербским Мольером». Романтик по преимуществу в драме и трагедии, Й. Ст. Попович и классицист, и реалист в комедии. Его лучшие произведения «Враль и подвирало» (1830), «Ворона в павлиньих перьях» (1837), «Кир-Яня» («Скупой») (1837) в духе просветительского классицизма обличают увлечение чужеземной модой, необоснованность претензий обычных людей на высокий социальный статус, подчинение человека бездумной страсти накопительства. Этим комедиям присущи известные «три единства», резонер, благополучная развязка. И в то же время их отличает реалистическая точность воссоздания быта и нравов, верности воспроизведения национального характера. Не случайно нейтральное название «Скупой» отступило перед колоритным, национально окрашенным «Кир-Яня», перед «греческий мудрость» главного героя (сам Й. Ст. Попович был греком по отцу).

Разочарование драматурга в революционных событиях 1848–49 гг., приведших к братоубийственной войне сербов и венгров и способствовавших обогащению кучки демагогов и проходимцев, нашло свое отражение в комедии «Патриоты» (1849 г.). Это произведение знаменует собой разрыв с просветительской верой в человека, в возможности его совершенствования. От классицизма в комедии остается резонер (Гаврилович), говорящие фамилии героев, единство места. Однако уже нарушены единство времени и действия, а главное, финал комедии пессимистичен: демагоги-«патриоты», способствовавшие возникновению межнациональной розни, нажившиеся за годы войны между сербами и венграми, бросают свой народ и бегут от справедливого возмездия в Белград, где начинают борьбу за пенсии и привилегии.

Пессимистическими размышлениями пронизано и последнее произведение Й. Ст. Поповича – сборник медитативной лирики «Песни» (1854 г.). Идеи просветителей о грядущем царстве разума и счастья полностью отвергаются («Хочешь свободу – найдешь ее в могиле, / Равенства ищешь – среди мертвых встретишь»), национальная история представляется, в основном, цепью поражений («Сербский народ и его судьба») и само положение человека на земле кажется весьма непрочным («Человек»).

В стихах Поповича часто звучат кладбищенские мотивы, он пытается оправдать сумасшествие, выступая здесь предтечей сербского модерна конца XIX – начала XX вв., однако все же это поэзия классицистическая, поэзия интеллектуальная и дидактическая. В «Песнях» утверждается характерный для XVIII в. космополитизм. Й. Ст. Попович пользуется старой, дореформенной графикой.

Последний, решительный шаг к романтизму был сделан черногорцем Петаром II Петровичем Негошем (1813–1851), известным в России под именем Петр Негош, человеком исключительной судьбы и поэтом общеславянского значения.

В 17 лет Радивой Петрович, пасший в детстве скот и не получивший систематического образования, неожиданно становится преемником своего дяди, скончавшегося владыки Черногории Петара I Петровича Негоша. Безвестный юноша вдруг

обретает высшую светскую и духовную власть в стране. Он молод, высок, красив, наделен замечательным умом, храбростью, добрым сердцем, трудолюбием, исключительным поэтическим даром. В него будут влюбляться аристократки Петербурга и Вены, он будет общаться с монархами.

Трудно пожелать чего-то большего одному человеку. Однако власть Негоша в Черногории, по крайней мере в начале его правления, носит призрачный характер: патриархально настроенные главари племен не собираются платить налоги и признавать государственное единство страны. В церковном и материальном отношении Негош находится в полной зависимости от России: в 1833 г. здесь его посвящают в сан епископа, а несколько лет спустя, в 1836–37 годах, здесь же он вынужден оправдываться от наветов в нерациональном использовании русской помощи.

Негош лишен возможности проводить активную внешнюю политику: у самих черногорцев слишком мало сил, нет даже лодок, чтобы отбить захваченные турками острова на Скадарском озере, и даже замысел объединения сербов и черногорцев в одно государство в соответствии с проектом сербского политика И. Гарашанина оказывается неосуществимым. Сам Негош называл себя «князем среди варваров и варваром среди князей» и видел в этом драматизм своего положения.

«Варваром» Негош, конечно, не был и не мог быть, как не мог им быть человек, воспитанный на традициях классицизма, читающий на нескольких европейских языках, переводивший Гомера, «Слово о полку Игореве», Ламартина, восторгавшийся Байроном и Пушкиным, прекрасно знавший богословие и философию и поднявшийся в своих лучших произведениях к вершинам европейской поэзии. Однако несомненны близость владыки своему народу, безусловный интерес к его истории, его поэтическому творчеству. Значительная часть ранних стихов Негоша (всего сохранилось около 80 его стихотворений) написана в подражание народным песням, принадлежность трех из четырех стихотворений сборника «Лекарство против ярости турецкой» (1834 г.) Негошу вызывает сомнение у специалистов. Но мнению фольклориста В. Латковича, это народные песни.

Первое крупное эпическое произведение Негоша поэма «Свободиада» (1835 г.), повествующая в десяти «песнях» о важнейших боях черногорцев с турками, венцианцами и французами с 1711 по 1813 год, также написана в подражание народным песням. Наконец, истинно народным произведением стала драматическая поэма Негоша «Горный венец» (1847 г.). Незадолго до смерти, в 1851 г. Негош писал: «Наши народные песни – история героическая, эпопея народная: по ним видно, что за народ их поет».

Практически одновременно с обращением к народной поэзии Негош пишет классицистические оды, составившие сборник «Пустынный цетиньский» (1834 г.) и посвященные философским проблемам или важным событиям и лицам. Здесь Негош следует не В. Караджичу, иначе любимому и почитаемому, а Л. Мушицкому, Ломоносову, Державину. Ода «Черногорец к всемогущему Богу» напоминает оду

Державина «Бог», а «Ода на день рождения Всероссийского Императора Николая Первого» отличается от аналогичных произведений русской литературы лишь утверждением духа славянства и упоминанием о черногорцах. Даже язык произведения, народный в своей основе, но насыщенный славянизмами и русизмами, понятен без перевода:

*... У џаша ње проста срца
бит паметник подигнути
заштитнику наших правах
Николају великоме...*

Интерес к философскому, космическому осмыслению бытия человека с одной стороны и пристальное внимание к конкретно-историческим событиям с другой определяют своеобразие творчества Негоша и в последующее десятилетие. При этом в 40-е годы классицистические традиции в произведениях Негоша начинают отступать перед романтическими тенденциями.

Уже поэму «Луч микрокосма» (1845 г.) нельзя назвать образцом классицизма, хотя поэт воспекает условно-аллегорический космический полет человеческой мысли, «луча микрокосма», «искры бессмертной» и воссоздает бытие в идеальных с точки зрения классицизма предельно обобщенных образах. Мысль поэта, стремясь постичь суть человека, поднимается к престолу Творца и, вспоминая прошлое, познает тайну людского бытия на земле. Выясняется, что в восстании сатаны против Бога принимал участие и могучий небесный дух Адам, однако в решающий момент битвы с ангелами Адам со своим воинством раскаялся и вернулся к Богу. Победенный сатана оказывается в аду, а Адам, погруженный в грубую материальность, попадает на землю как место искупления меньшего греха.

В подобной трактовке сущности человека очевидно влияние учения Платона о преэкистенции (кстати, на учение Платона в конечном счете опирается классицизм), помимо того довольно часто проводились параллели между этим произведением Негоша и Библией, ветхозаветными апокрифами, манихейством, творчеством Данте и Мильтона и т. д.

В духе классицизма Бог у Негоша изображен как торжество разума и порядка над хаосом, а грех человека представлен рационалистичнее, чем в Библии. Однако сатана у Негоша показан почти романтическим героем. В нем нет титанизма князя тьмы Мильтона или духовных исканий лермонтовского демона, но все же он полон гордости и стремления к свободе. Он яростно ненавидит Бога и стремится к власти и могуществу, к самостоятельности и творению своих миров. Интересно, что довольно большая поэма (более 2200 стихов) была создана Негошем в один месяц, в то время, когда он особенно остро ощутил разрыв между собственной личностной ценностью и исторической обреченностью своего положения. Не случайно австрийская полиция отмечала, что Негош недостаточно тверд в религиозных и монархических убеждениях.

В сложной для Негоша ситуации был написан и «Горный венец» (1847 г.). Предыдущий 1846 год был неурожайным, что в условиях каменистой Черногории грозило народу голодной смертью. Турки при этом, с одной стороны, угрожали вторжением, а с другой – предлагали еду, коней, оружие всем, перешедшим в ислам. «Горный венец», изобразивший подготовку и начало исторического изгнания в начале XVIII в. из Черногории потурченцев, т. е. черногорцев, принявших мусульманство, был создан под знаком осуждения предательства, утверждения традиций предков и свободы.

Не случайно из трех изображенных в поэме цивилизаций – западноевропейской (венецианской), восточной (турецкой) и патриархально-племенной (черногорской) – лишь последняя представлена как безусловная ценность. Венеция в рассказе черногорского воеводы Драшко являет собой царство лжи, клеветы, коварства, доносов. Честь и достоинство человека забыты, материальные блага и низменные зрелища развратили мужчин физически и морально. Даже обращение Драшко к некоторым положительным сторонам жизни Венеции завершается критикой этого города. Среди народа там есть «немало и красивых, / безобразных же в десять раз больше», «Есть дома там красоты чудесной! / Только жить в них – мука и неволя».

Прием антитезы используется Негошем и при изображении Турции. С одной стороны, потурченец кадий (т. е. судья) Мустай хвалит Стамбул как «источник святости и силы» и «земное наслажденье», однако, с другой стороны, уже в письме Селима-визиря черногорцам проявляется восточный деспотизм: «Чернь похожа на большое стадо, / хороша, когда ей крушат ребра». К тому же само наслаждение, понимаемое чисто материально (даже в раю мусульман ждут плотские утехы: «Гурии с глазами голубыми / в жизни вечной вместе с вами будут»), не может привлечь черногорцев.

Негош и его соплеменники устремлены к высшему духовному началу, их идеал – «пасть храброй жертвой благородства» во имя веры и родины, ибо «счастлив тот, кто вечно жив в народе», кто может после смерти «подняться с поля битвы / в царство светлое народных песен». Черногорец в поэме не мыслит себя вне коллектива, и даже отношения с Богом строятся по схеме: народ – Бог.

Вместе с тем образ каждого черногорца из числа действующих лиц в поэме неповторимо индивидуален. Вук Мичунович и Вук Мандушич часто появляются в поэме вместе как друзья, однако Вук Мичунович рационален и хладнокровен, а Вук Мандушич поэтически взволнован. Мичунович не верит в «колдовство и чары», рационально объясняет ночные кошмары сердара Янко («растолстел ты, как ушат пузатый, / это сало тебя ночью душит»), он не поддается горьким рассуждениям сердара Вукоты о судьбе Черногории. «Фу, сердар, к чему такие речи!» – восклицает он на слова о гибели «страны проклятой».

В отличие от Мичуновича Мандушич готов отдать вола за понравившуюся чалму, он так безнадежно влюблен в сноху Милонича-бана, что завидует погибшему

сыну Милонича, так как «очи дивные о нем все плачут, / дивные уста о нем жалеют!», а в конце произведения плачет о разбитом пулей ружье.

В то же время «поэтический» Мандушич может взять «плеть с тремя хвостами» и «вогнать» своей «рехнувшейся» снохе «сорочку в тело», а «рациональный» Мичунович способен произнести один из самых возвышенных монологов во славу героизма.

Особо выделяется среди всех героев владыка Данила, наделенный властью и знанием и осознающий всю тяжесть возложенной на него ноши. В отличие от своих черногорцев владыка не может сразу решиться на изгнание потурченцев, так как потоки братской крови могут залить всю Черногорию. Владыка Данила лучше, чем остальные, видит могущество турок, осознает свое одиночество, страшится обмануть «надежды народные». Он лучше, чем кто-либо из персонажей поэмы, соответствует представлению о романтическом герое, и не случайно современники увидели в нем самого Негоша.

Однако высшая мудрость в поэме отдана все же не владыке Даниле, а слепому восьмидесятилетнему старцу игумену Стефану, который лучше всех знает об адских расправах этого мира, глубже всех осознает трагизм человеческого существования и все же без малейших колебаний призывает выступить против потурченцев. Высшая мудрость, таким образом, смыкается с мудростью народной, конкретно-историческое и абстрактно-философское начала соединяются. Известно, что первоначально поэма называлась «Высеченная искра», что во многом совпало по значению с названием «Луч микрокосма» и свидетельствовало связи этих произведений.

Обращение к синтезу определяет и жанрово-стилевое своеобразие произведения. «Горный венец» представляет собой драматическую поэму с ярко выраженным эпическим началом, включающую в себя, по словам Й. Деретича, элементы любовной, патриотической, философской, созерцательной, юмористической поэзии, оды, гимны, элегии, поэтические видения и фантазии, хотя, по мнению М. Бабовича, роль лирического начала не следует переоценивать. Весьма важны как бытовые, юмористические, так и возвышенные, героические рассказы о делах черногорцев, а драматическое начало проявляется и в сатирически окрашенных сценах (пробывание Драшко в Венеции), и в трагических картинах (оплакивание сестрой гибели черногорского героя Батрича и самоубийство девушки) и в комических бытовых ситуациях (попытка безграмотного попа прочесть письмо).

Язык поэмы также основан на синтезе нескольких лексических пластов. Наряду с языком народным в поэме проявляются элементы церковнославянского, русского, славяносербского языков, а также авторские деривации в подобном духе.

Элементы синтеза прослеживаются и в метрике поэмы. С одной стороны, «Горный венец» в основном написан десятисложным стихом сербского героического эпоса (иногда употребляются другие размеры от восьмисложника до шестнадцатисложника) и тем самым продолжает фольклорные традиции. Однако, с другой

стороны, Негош широко использует различные виды внутренней рифмы, что не характерно для народной поэзии, но придает стиху благозвучие.

Основанная на синтезе в самых различных его проявлениях, отличающаяся глубиной мысли и совершенством формы, поэма Негоша по праву считается энциклопедией черногорской жизни.

Последним крупным, хотя не самым значительным произведением П. П. Негоша стала историческая драма «Самозванец Степан Малый», написанная в 1847 году, а опубликованная в 1850 году. Главный герой произведения – историческая личность, самозванец, успешно выдававший себя за русского царя Петра III и управлявший Черногорией с 1767 по 1774 гг., пока не был зарезан собственным парикмахером по указанию турецкого визиря.

В соответствии с историческими фактами и личным предубеждением автора пьесы к Степану Малому, временно отнявшему власть у рода Негошей, самозванец представлен трусом, бежавшим перед турецким нашествием и впоследствии в знак самоунижения принявшим позорное прозвище «Малый». Как показано в драме, лишь исключительная наивность и доверчивость черногорцев, а также их безграничная любовь к русскому народу позволили проходившему, не лишенному, правда, административных способностей, захватить и удержать власть.

Трезвый, несколько иронический взгляд на действительность, присущий Негошу в этой пьесе, свидетельствовал о рождении в его творчестве новых, реалистических тенденций.

Романтизм (1840–1870-е годы)

Временные рамки проявления романтического направления в сербской литературе несколько расплывчаты. Начало переходного периода от классицизма и сентиментализма к романтизму приходится на 1820–1830-е годы и связано с реформаторской деятельностью В. Ст. Караджича. Рождение романтизма может быть соотнесено с появлением в 1847 г. книги «Стихотворений» Б. Радичевича – произведения, написанного в принципиально новой манере и расколовшего общество, подобно «Руслану и Людмиле» А. С. Пушкина, на восторженных поклонников и озлобленных хулителей молодого поэта. В том же году выходят «Горный венец» П. П. Негоша, перевод Нового Завета В. Ст. Караджича и «Война за сербский язык и правописание» Дж. Даничича.

Последующее десятилетие, пришедшее на смену бурным и революционным 1840-м годам, было в значительной мере временем отхода на старые рубежи классицизма и сентиментализма (не случайно смерть Б. Радичевича в 1853 г. прошла почти незамеченной сербским обществом), хотя в этот период уже пишут первые стихи будущие выдающиеся поэты-романтики Дж. Якшич и Й. Й. Змай.

Период расцвета сербский романтизм переживает в 60–70-е годы, но и в начале 80-х годов публикуются значительные произведения Й. Й. Змая и его не менее знаменитого младшего современника Л. Костица. В дальнейшем, к 90-м годам романтизм исчерпывает себя, хотя Й. Й. Змай продолжает писать вплоть до начала XX в., а лебединая песня сербского романтизма – стихотворение Л. Костица «Santa Maria della salute» появляется в 1909 г.

Предлагаемые временные границы романтического направления в сербской литературе указывают на период его утверждения и доминирования, хотя 70-е годы отмечены уже значительными достижениями сербского реализма,

Относительно позднее проявление романтизма и сохранение его отголосков вплоть до начала XX в. обусловлено как некоторым отставанием сербской литературы от ведущих европейских литератур, так и конкретно-исторической ситуацией – нерешенностью национального вопроса. Вплоть до 1878 г. Сербия была данником Турции, многие южносербские провинции даже находились под ее властью, а окончательное освобождение юга Сербии было связано с балканскими войнами 1912–1913 гг. К северу от Белграда вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г. сербы также проживали на территории чужого государства, причем здесь родились все выдающиеся поэты сербского романтизма: Б. Радичевич, Дж. Якшич, Й. Й. Змай, Л. Костиц.

В силу исторических условий романтизм у сербов, как и у многих других славянских народов, был в большей мере ориентирован не на индивидуализм, «мировую скорбь» и трагически воспринимаемое двоемирие, а на идеи И. Г. Гердера о народном духе как основном условии развития культуры. Исключительная художественная ценность и значимость сербского фольклора, казалось, была лучшим подтверждением тезиса Гердера «народная поэзия – национальная поэзия» и также настойчиво вела писателей к кладовой устного народного творчества, однако с течением времени культурные горизонты сербских романтиков расширились, а фольклорное влияние принимало иногда более опосредованный характер. Сербский романтизм в лице Л. Костица проявляет глубокий интерес к философии и сокровищнице мировой культуры, продолжая, таким образом, традиции П. П. Негоша.

Вопросы национальной свободы, также впервые серьезно поставленные П. П. Негошем, переплетались в сербском романтизме с вопросами свободы политической. Самовластье и полицейский террор династии Обреновичей мало чем отличались в сознании сербов от национального угнетения, и политическая активность общества в 60–70-е годы находила адекватное отражение в литературе.

Социальный аспект также весьма важен для сербского романтизма, сосуществовавшего на протяжении многих лет с реализмом. Изображение бесконечно тяжелой и бесправной жизни простого человека, едкая сатира на власть имущих не противоречили представлениям о народном характере литературы. Романтизм в подобном случае сближался с реализмом, хотя трактовка социального конфликта могла быть и чисто романтическая.

Утверждение романтизма свидетельствовало о серьезных изменениях в мировосприятии сербского общества, проблемно-тематическом, а следовательно, и жанрово-стилевом новаторстве литературы. Сербский романтизм, нашедший наиболее яркое воплощение в поэзии и драматургии, обратился к новым жанрам баллады и романса, способствовал развитию поэмы и трагедии. Сербские романтики впервые обратились к ямбу, что с учетом национальной специфики языка, не допускающего ударения на последнем слоге, представлялось настоящей революцией в стихосложении.

В творчестве первого сербского поэта-романтика Бранка (Алексия) Радичевича (1824–1853) современников привлекали и новизна мировосприятия, и близость народному языку, и изменение ритмики стиха, и исключительная его мелодичность. Поэт впервые обратился к традициям народно-лирической песни, в его стихах впервые открыто зазвучали радость жизни, упоение юностью и даже эротические мотивы, слегка окрашенные юмором. Героиня стихотворения «Девушка у родника» мечтает вновь встретить симпатичного парня и напоить его водой, что в соответствии с символикой обычая говорит о любовных чувствах. И неважно, если задрожит рука и разобьется еще один кувшин, – любовь готова к подобным испытаниям. Парень-озорник из стихотворения «Проказы» бежит, охваченный страстным желанием, за красивой девушкой, которая почему-то мчится от него не к дому, а в лес. Лирический герой «Желания» вспоминает, что в детстве хотел найти побольше винограда и персиков, а теперь мечтает о девушках, готовых дарить ему ласки.

С другой стороны, в стихах Радичевича, как и в народной лирической песне, звучит мотив расставания влюбленных и их смерти («Бедная невеста», «Нежданное горе», «Ее тоска»). Грустные, элегические настроения проявляются и в «чисто лирическом», несюжетном стихотворении «Мысли перед кончиной», написанном в 1845 г., когда поэт еще не был болен туберкулезом.

Неоднозначное – радостное и вместе с тем печальное – восприятие жизни отражается в лучшем произведении Б. Радичевича – небольшой лирической поэме «Прощание со школьными друзьями» (1847 г., дословное название «Ученическое прощание»).

Однако лирический герой расстается не только со своими товарищами, чьи имена упоминаются в конце поэмы, он прощается с дорогим сердцу местом Карловца и прекрасными картинами природы, рождающими в душе молодого человека думы об историческом прошлом страны, пробуждающими чувство гордости за сербское царство и ощущение «последних времен» перед нашествием турок. «Кровавый» закат напоминает ему о Косовской битве, пробуждает в нем желание умереть «среди копий и мечей» подобно древним воинам. Любовь к родине соединяет личность с народом, современность с историей, незаметную повседневность с героическим подвигом.

Прощается герой и со всей школьной жизнью, с ее детскими (купание в Дунае) и недетскими (посещение корчмы) забавами. При этом «детская забава» может стать настоящей трагедией (однажды воды Дуная чуть-чуть не сомкнулись навек над головой героя), а посещение «низкой» и «тесной» корчмы обернуться настоящим и возвышенным весельем – исполнением народного танца «коло», несколько напоминающего хоровод в ускоренном темпе, с прославлением всех югославянских народов и их героев. «Ученическое коло», «коло сербской молодежи» постепенно перерастает в «коло братства».

Ощущение радости жизни и счастья от единства людей передается в «коло» и при помощи стихотворного размера: десятисложный рифмованный стих поэмы сменяется также рифмованным, но уже восьмисложным и даже четырехсложным стихом, выдержанным в ритме быстрого народного танца («поскочицы»). Вместе с тем общее настроение прощания придает произведению элегический характер. «Ох, денек, как ты хорош сегодня!» – восклицает молодежь в поэме и, славя жизнь, размышляет о неминуемой смерти.

Грустные, элегические мотивы с еще большим постоянством звучат в небольшой лирической поэме «Тоска и умиление» («Туга и опомена»), написанной в 1844–1845 гг., но опубликованной лишь в третьем, посмертном издании стихов Радичевича в 1862 г., так как в этом произведении поэт опирался на опыт немецкой романтической литературы, весьма далекий от традиций сербского фольклора.

Внешнее сюжетное сходство «Печали и умиления» с сербской народной поэзией очевидно: обстоятельства разлучили влюбленных и девушка умерла от горя. Однако путешествие героя по чужим краям несколько напоминает поиски идеала, и в поэме доминируют романтически окрашенные мотивы природы, музыки, сна. Печальный звук гонимого ветром осеннего листа вновь пробуждает в герою нежные чувства, умершая девушка превращается в звук, во сне герою слышатся таинственные чудесные голоса.

Написанная ямбом и преимущественно одиннадцатисложным стихом, неизвестным сербскому фольклору, поэма Б. Радичевича свидетельствовала об усвоении сербской романтической литературой европейского опыта.

Впрочем, в 1840-е годы сербское общество более интересовалось реформами В. Караджича, чем немецкой романтической поэзией, и Б. Радичевич пишет сатирическую поэму «Путь» (1847), где герой, путешествуя от Воеводины до Черногории на Пегасе, «старой кляче», высмеивает сторонников классицизма и противников народного языка: Иована Хаджича и других представителей Матицы сербской, стоящих на консервативных позициях. Осмеянию подвергается также поведение монахов и официальных сербских властей, не признающих нового правописания.

Положительное начало в поэме воплощено, в основном, в образах В. Ст. Караджича и Черногории. В. Караджич – носитель света и знаний, спаситель отечества, а Черногория – это драгоценный камень в сербской короне. Героико-патриархаль-

ный мир и истинное, ориентированное на народ просвещение представляются поэту-романтику высшими ценностями.

Интерес к иронии и сатирическому изображению действительности проявляется и в незавершенной поэме «Глупый Бранко» или «Безымянная», свидетельствующей, по мнению ряда исследователей, о зарождении в творчестве Б. Радичевича реалистического начала и включенной крупнейшим знатоком сербского романтизма М. Поповичем в один типологический ряд с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина. Изображая любовные похождения безымянного «Серба», приехавшего учиться в Вену, но постигшего лишь премудрости бильярда и вальса, поэт рисует обычную жизнь окраин большого города с сомнительной моралью и комическими ссорами между супругами, включая, впрочем, в поэму «эпические» отступления о героической борьбе сербов с венграми в 1848 г. и гневно клеймя предателей народных интересов.

Патриотизм поэта находил свое проявление почти во всех его поэмах независимо от предмета изображения, однако собственно героические поэмы, рисующие битвы сербов с турками («Милета», «Гойко», «Стоян» и др.), оказались менее удачными, возможно, из-за лирического характера таланта Б. Радичевича.

Патриотические настроения во многом определяли творчество друга и сторонника Б. Радичевича прозаика Богобая (Тимотия) Атанацковича (1826–1858). Отмеченный М. Поповичем как «одна из первых и крупнейших планет солнца Бранка», этот писатель вошел в историю литературы романом «Два идола» (1851–1852), занявшим промежуточное положение между «старинным» романом М. Видаковича (нагромождение невероятных драматических любовных историй) и собственно романтической литературой (современные революционные события 1848–1849 гг. описаны с позиции безусловного разделения на «добро» и «зло», главный персонаж романа Младен, исключительная личность, не находящая себе места в обществе, напоминает байронического героя и в конце концов умирает с мыслью о своих двух идолах – родине и возлюбленной).

Патриотические чувства Б. Атанацковича были, безусловно, присущи и другим писателям этого времени, однако в отличие от В. Ст. Караджича, Дж. Даничича, Б. Радичевича, ориентированных преимущественно на утверждение национального начала в литературной и культурной жизни страны, часть сербской молодежи, испытавшей влияние идей Л. Штура о славянском единстве, воспринимала родной народ преимущественно в общеславянском контексте. «Роду сербскому и народу славянскому» был посвящен поэтический альманах «Славянка», изданный в 1847 г. «Обществом сербских студентов в Пожоне» (Братислава). В духе идей славянского единства писал рано умерший и наиболее талантливый сотрудник этого альманаха П. Шапчанин (1827–1847), противником Б. Радичевича выступает в начале своей творческой деятельности С. Милетич (1826–1901), возглавивший впоследствии национально-освободительное движение сербов в Воеводине.

Грозные события 1848–1849 гг. и дальнейшее относительно мирное существование в полной мере выявили жизнеспособность каждого из путей, избранных сербской интеллигенцией. Ориентация на «славянство» не получила поддержки в сербском обществе, в то время как за национальное, народное начало в литературе выступают критики, писатели, поэты. Взгляды В. Ст. Караджича поддерживают Й. Ристич (статья «Новая сербская литература», на немецком языке, 1852 г.) и Я. Игнятович (статья «Взгляд на литературу», 1857 г.), в подражание народным песням пишет свои стихотворения Й. Илич (1858 г.). За национальную ориентацию литературы и культуры выступит впоследствии такая мощная общественно-политическая и культурно-просветительская организация, как Омладина («Объединенная сербская молодежь»), созданная в 1866 г. на основе сербских студенческих кружков и просуществовавшая до 1872 года.

Деятельность Омладины отражала дух времени, свидетельствовала об обострении борьбы за национальное освобождение и интенсивности развития культуры. В 1860-е годы открывается Сербский народный театр в Нови-Саде и Народный театр в Белграде, признанный «сербскими Афинами», появляются новые литературные журналы («Даница», «Матица», «Явор», «Вила»), достигают творческой зрелости Дж. Якшич, Й. Й. Змай, Л. Костич.

Джура Якшич (1832–1878) – герой-бунтарь, человек яркого и многогранного таланта и драматической судьбы. Сын патриотически настроенного воеводинского священника, он шестнадцатилетним юношей добровольцем защищал родной край во время событий 1848 г., а затем стал замечательным художником, чьи полотна являются ныне достоянием музеев Белграда и Нови-Сада.

Жизнь, однако, была сурова к поэту. Любимая девушка Мила Попович, запечатленная им в стихах и на холсте («Девушка в голубом»), предпочла «бездомному стихотворцу» обеспеченного ремесленника, жена Тина оказалась больной туберкулезом и передала свою болезнь мужу, а жизнь учителя рисования в глухих уголках сербской провинции, вызывавшая безусловное чувство протеста и даже увлечение вином, оборачивалась преследованиями со стороны властей и начальства и вынужденными и вечными переселениями. Наконец, рассказ «Раненый», написанный Якшичем во время сербско-турецкой войны в 1876 г. и обличавший командующего фронтом генерала Р. Алимпича, послужил причиной длительного, судебного разбирательства, избиения писателя и вынесенного ему обвинительного приговора. Якшич умер должником государства, так и не успев отбыть полагающееся ему тюремное заключение.

Неприятие окружающей действительности и ощущение трагизма собственного бытия проявились в лирике Дж. Якшича («Стихи», 1873 г.). Ее герой, личность гордая и исключительная, биографически неотделимая от поэта, подобная орлу из одноименного стихотворения или утесу, о который разбиваются житейские волны («Я – утес»), стоит среди бурь, не опасаясь ни грома, ни молний («Косово»), пре-

зирая клеветников и трусов, лишенных таланта и воинской храбрости («Молчите, молчите»). Однако тот же утес кровоточит, а сам герой видит трагическое сходство своей судьбы с судьбой несчастных «малых сирот» – небесных пташек («На Липаре»). Ощущение собственной неприкаянности и сиротства звучит и в стихотворении «Полночь», где поэту является тень его рано умершей матери. Даже в любовной лирике Якшича отчетливо прослеживаются мотивы печали и разочарования («Мила»).

Разобщение с людьми предполагало единство с природой, поиск душевного спокойствия на фоне ее безмятежности и невинности («Ночь в Горняке», «Дорога в Горняк»), В то же время слияние с природой означало выход в иные миры, таинственные и неизвестные. В «глухую полночь», в «темный час» поэт слышит тихие необычные звуки, рождающие в душе смутное беспокойство («Полночь»). Что это? Голоса духов земли? Проклятие землей своих страданий или прощание ее с небом? Величественная поступь полночи? Полет ангела? Вся Вселенная открывается здесь перед человеком, и сердце человека открывается навстречу Вселенной,

Конечно, Якшич не был, подобно Негошу, поэтом-философом. Не вполне оправданным представляется и неоднократное звучавшее сравнение Якшича с Байроном, так как, по словам крупнейшего сербского критика XIX в. Л. Недича. Якшич писал лишь о своих бедах, страданиях и несчастьях, которые, впрочем, не сделали из него индивидуалиста. Не укладываясь в «прокрустово ложе» характерных признаков национального проявления романтизма. Якшич тем не менее был сербским поэтом-романтиком, и в его творчестве чрезвычайно важную роль играли национально-героические и сатирически-обличительные мотивы.

Сила и страстность таланта Якшича грозно прозвучали в знаменитых стихотворениях «Падайте, братья!», «Отчизна», «Европе». Нужна была особая душевная мощь, чтобы призвать своих восставших братьев не только безбоязненно идти на смерть, но и самим бросать в огонь своих детей и смелость признать равнодушие Сербии к судьбе своих погибающих сыновей. Сам Якшич глубоко сожалел, что его не было в Белграде во время происходивших там сербско-турецких столкновений в июне 1862 г. («Почему я не был...»), но его стихи значили для освобождения страны неизмеримо больше, чем личное участие в боях. Текст стихотворения «Черногорец черногорке» («В бой, в бой, черногорка») (1862) был сразу положен на музыку и зазвучал в исполнении различных молодежных хоров в Белграде и Нови-Саде. По словам М. Поповича, поэт в 60-х гг. стал рупором революционных устремлений молодежи и повлиял на формирование сознания молодого поколения.

Воспитанию сербской молодежи служили довольно многочисленные героические поэмы Якшича, написанные в основном в начале 60-х годов («Первые жертвы», «Морская буря», «Братоубийца», «Мученица», «Знаменосцы», «Невеста Пивлянина Байо», «Причастие» и др.), а также его драмы «Переселение сербов» (1863), «Елизавета, княгиня черногорская» (1868) и «Станое Главаш» (1878).

В большинстве этих произведений сильные любовные страсти либо поддерживались идеями патриотизма, либо вступали с ними в конфликт. В первом случае драматический эффект и патетический пафос рождались как следствие столкновения героев с опасным внешним врагом, а во втором случае внешний конфликт углублялся благодаря конфликту внутреннему.

В поэмах Якшича ощущается определенное влияние Байрона, что было вполне закономерно, так как именно в 1850-е годы байронизм достигает пика популярности у сербов. В «Братоубийце» и «Причастии» заметно даже некоторое тематическое сходство с «Гяуром», однако, по мнению М. Поповича, влияние Байрона в целом было опосредованным и заключалось в самом освоении Якшичем новой поэтической формы – поэмы, т. е. способности объективизации субъективных переживаний.

Почти во всех поэмах Якшича так или иначе отражается борьба с турками, и женщина иногда играет в этом конфликте решающую роль. Красавица Даница, попавшая в гарем к боснийскому визирю, предпочитает мучения и смерть спокойной и беззаботной жизни («Мученица»), юная Милева мстит за смерть своего жениха гайдука Пивлянина Байо, героя народных песен, и сама убивает бега Любовича и сжигает его дворец. Безусловно, что прогрессивно настроенные сербы заботились о патриотическом воспитании женской молодежи, но безусловно и то, что сама исключительность ситуации соответствовала поэтике романтизма.

Женщина играет главную роль и в лучшей стихотворной драме Якшича «Елизавета, княгиня черногорская» («Переселение сербов» было простой пробой пера, а «Станое Главаш» уступал в палитре чувств и богатстве мысли). Действие происходит в конце XV в. Племянница венецианского дожа Елизавета уговаривает своего мужа черногорского правителя Джураджа Черноевича послать тысячу молодых черногорцев на защиту Венеции от турок, т. е. обречь их на верную смерть ради чужих интересов. После некоторых сомнений Джурадж уступает жене, что ведет к расколу страны, братоубийственной войне и завоеванию Черногории турками.

Романтические мотивы предательства, мести, вражды близких по крови людей пронизывают все произведения, однако Якшич стремится избежать однозначности характеров и ситуаций. Та же Елизавета показана скорее жертвой обстоятельств: ей знакомы чувства одиночества, грусти, страха. Судьба патриота воеводы Радоша, оказавшегося в конце пьесы перед трупами своих сыновей-изменников, несколько напоминала трагедию короля Лира. Лишь турки, в соответствии с патриотическими взглядами Якшича, лишены в произведении человеческих чувств и переживаний.

Романтические мотивы, присущие поэзии и драматургии Якшича, проявляются и в его прозе («Рассказы», I–III, 1876; IV, 1878), составляющей по объему около половины творческого наследия писателя. В ранних рассказах, изображая сербское средненековье («Сын седого Гамзы», «Неверная Тияна»), автор рисует трагическое столкновение чувства любви и долга в душах людей, а при обращении к современности создает образы идеальных героев, побеждающих врагов и пользующихся

поддержкой обстоятельств. «Пеплом его завтра будут играть горные ветры», – говорит молодой крестьянин Стоян о своем сопернике в любви («Крестьяне»), и фразы подобного типа не единичны в рассказе.

Вместе с тем в 70-е годы, период утверждения реализма в сербской литературе, в рассказах Якшича все настойчивее звучит социальное начало. Это еще не социальный анализ общества. Окрашенная в тона личной ненависти писателя к власти имущим (в рассказах «Помещик» и «Поп Тихомир» косвенно отражаются бедствия семьи Якшичей), проза писателя направлена на защиту сербской бедноты («Сербский подпасок», «Сиротка из Баната») и довольно однозначно трактует характеры и обстоятельства, однако драматический рассказ «Одна ночь», написанный в духе реализма, свидетельствовал о возможности перехода Якшича на другие позиции. О реалистических тенденциях в его творчестве говорили и некоторые сатирически-бытовые зарисовки («Кусочек швейцарского сыра»), хотя большинство сатирических произведений Якшича напоминало публицистические памфлеты.

Гораздо удачнее сатирическое начало проявилось в творчестве друга и соратника Якшича Йована Йовановича Змая (1833–1904), наиболее значимой фигуры в сербском литературном процессе второй половины XIX в. Именно гражданская, политическая, сатирическая поэзия стала важнейшим условием общенационального признания поэта. Празднование 25-летнего юбилея творческой деятельности Змая, организованное в 1874 году в его родном городе Нови-Сад и распространившееся по всей стране, превратилось в смотр национальных сил сербов. Огромное факельное шествие, венчание лавровым венком, многочисленные поздравительные телеграммы красноречиво говорили о заслугах поэта перед народом. Второй, 50-летний юбилей был отпразднован в 1899 году в Загребе, что подчеркивало признание заслуг писателя в установлении дружеских отношений между сербами и хорватами. В 1892 г. Скупщина в Белграде в знак народного признания выделила Змаю постоянную денежную помощь.

Сын обеспеченных родителей, доброжелательный человек, адвокат, а впоследствии известный врач, редактор множества популярных литературных, сатирически-политических и детских журналов («Явор», «Комарац», «Змай», «Невен» и др.), Змай был, казалось, создан для счастья. Однако начиная с 1865 года он хоронит четверых своих детей, затем – обожаемую жену Ружу и два года спустя последнюю дочь, любимицу Смильку, что, безусловно, отразилось в его поэзии и повлияло на ее развитие.

Однолюб в жизни, Змай был однолюбом и в литературе: он практически не изменял малой стихотворной форме, хотя собрание его сочинений насчитывает 16 томов. С другой стороны, гибкость и восприимчивость таланта Змая помогли ему перевести более ста поэтов из двенадцати европейских стран. Он переводил Гете и Гейне, Пушкина и Лермонтова, Гюго и Беранже, но особым его вниманием пользовались венгерские поэты Ш. Петефи (любимец Дж. Якшича), Я. Арань, И. Мадач.

что объяснялось тесными контактами двух народов. В первую книгу лирики Змая «Восточный бисер» (1861) наряду с оригинальными стихами также вошло много переводов немецких стихотворений, которые, в свою очередь, были переводами с восточных языков.

Змай не всегда стремился к точному воспроизведению оригинала: в духе просветительской традиции он стремился приблизить иностранную литературу читающей публике и потому произведения европейских поэтов иногда напоминали сербские народные песни. Впрочем, многие стихи самого Змая были написаны в фольклорном духе, а одно из последних произведений под названием «Колыбельные песни» (I, II – 1895, III – 1900) было стилизацией под устное народное творчество.

Уже в первом стихотворении «Весеннее утро» (1849 г.) поэт встречает в сновидениях не Музу, а мифологическую вилу, и та дарит ему не арфу, а гусли. Гусли как символ народной поэзии и национальной независимости появляются в стихотворениях «Дед и внук» и небольшой, изобилующей театральными эффектами балладе «Смерть гусяра». Несколько искусственным представляется также переплетение элементов фольклорного и «готического» сюжетов в балладе «Три гайдука», более оправданным было непосредственное подражание народной песне (баллада «Бедная мать»).

Близость Змая устному народному творчеству проявлялась не только в выборе темы и обработке сюжета. Как и Б. Радичевич. Змай высоко ценил В. Караджича и боролся за чистоту народного языка, чаще, чем Дж. Якшич или Л. Костич, поэт обращался к метрике народного стиха и устойчивым словосочетаниям, типа «черны очи», «сине море», «бела вила» и т. д. Конечно, Змай, как и другие сербские романтики, занимался словотворчеством, но его не вполне вразумительные для читателя «возвышенные» «звездокрузи» и «огнедуси» (вероятно, «звездные круги» и «огненные духи») уступали ярким, красочным словосочетаниям Якшича типа «бесна деца» («бешеная юность») или «масна крвца» («густая, липкая, напоминающая масляное пятно кровь»).

Гораздо успешнее занимался словотворчеством Змай-сатирик.

<i>У краљевству Јутуту</i>	(В королевстве Ютутуту)
<i>Краљ тринаести Балакаха</i>	Король тринадцатый Балакаха
<i>Обећао свом народу</i>	Обещал своему народу,
<i>Да ће дати јухахаха (устав).</i>	Что подарит юхахаха (конституцию).

Повторяющиеся сочетания звуков не только рожают прекрасную игру ассонансов и аллитераций и придают стихам музыкальность благодаря обилию гласных, звуковые повторы у Змая ведут к появлению новых, казалось бы бессмысленных слов, которые тем не менее прекрасно раскрывают сущность и «королевства», и «короля», и его «конституции».

Очевидно, что речь шла о сербском князе Михаиле Обреновиче (1860–1868), обещавшем своему народу конституцию и не сдержавшем слова, причем аллегория для современников была настолько очевидной, что, по словам М. Поповича, возникло еще одно комическое несоответствие между стремлением поэта якобы завуалировать цель своей насмешки и достигнутым результатом.

В 1865 году сербские власти объявили конкурс на создание государственного гимна в духе абсолютизма, и у Змая вслед за «Ютугунской юхахахой» рождается «Ютугунский народный гимн».

Иронией пронизаны и знаменитые «Стихи наилояльнейшего гражданина», готового якобы кланяться династии, отречься от свободы, сжечь на костре Милля, Шиллера и Байрона, но утверждающего свое право на ненависть к «шпионам» (агентам охраны и добровольным доносчикам), наводнившим страну.

Сатирические стихи Змая ориентированы на демократического читателя и по форме: поэт часто прибегает к риторическим вопросам и апострофам, варьирует размер стиха вплоть до трехстопного хорей, насыщает свою речь пословицами и поговорками («Народ», «Вопрос»), стремясь при этом к краткости и иногда оттачивая свои произведения почти до афоризма («Что делают»).

Сатира была наиболее действенным способом выражения гражданской позиции Змая, однако, когда ситуация в стране становилась особо трагической, поэт прибегал и к прямому обличению власть имущих («Черная година»). В 70–80-е годы Змай пишет ряд стихотворений, посвященных трудной судьбе людей из народа: пахаря, швеи, солдатских вдов, нищих детей, не теряя при этом веры в будущее и призывая окружающих бороться за него. Лучшим гражданским и философским произведением поэта признано стихотворение «Светлые могилы», прочитанное на похоронах Дж. Якшича и утверждавшее связь поколений, преданность идеалу и бессмертие настоящего человека.

Философские мотивы звучат также в обеих книгах любовной лирики Змая «Розочках» (1864) и «Увядших розочках» (1882). Представления о совершенстве, стройности и гармонии мироздания могут сменяться пессимистическими утверждениями в духе агностицизма и дуализма («Розочки»). В «Увядших розочках» поэт, по словам М. Поповича, обращается к метафизике любви, ее роли во Вселенной. Однако главное в обеих книгах – разговор души поэта с душой его любимой жены Ружи, чье имя в переводе означает «роза» (впрочем, в названиях своих книг Змай использует турецкий корень «джул» и сербский уменьшительно-ласкательный суффикс «ич», тем самым несколько скрывая в духе романтической таинственности имя адресата и указывая на «восточный», т. е. опять-таки романтический, характер своей любовной лирики).

Первая книга Змая напоминает любовную поэзию В. А. Жуковского: она также предельно «неиндивидуалистична» или, точнее, «наиндивидуалистична» и душевная жизнь изображается в ней «суммарно». Отсюда и естественная близость

(как у Жуковского) к романсу, народной песне, близость естественная, в отличие от несколько натянутой подражательности фольклору в «патриотической» поэзии. Не случайно некоторые стихи из «Розочек» стали популярными романами, равно как и отдельные стихи Б. Радичевича, положенные на музыку в наше время.

«Увядшие розочки» в большей мере подходят под определение «лирический дневник поэта»: конкретные трагические события семейной жизни описаны гораздо подробнее и точнее, чем передача овеванных дымкой романтических чувств в первой книге. И вместе с тем почти любая деталь приобретает символическое звучание. Умиравшая молодая женщина повторяет за мужем последние слова каждой его фразы, выражая тем самым свою неповторимую нежность и преданность. И в то же время эта сцена позволяет увидеть и прощание расстающихся душ, когда слышны уже лишь отзвуки речей, и трагизм одиночества человека, остающегося наедине с эхом.

Любовь к семье, детям, обостренная потерей близких людей, подводят Змая в 80-е годы к поэзии для маленьких читателей, к открытию новой страницы сербской литературы, хотя первые шаги в этой области были сделаны им еще в молодости, в 50-е годы. В поэзии Змая серьезность отношения к детям сочетается с лукавой улыбкой взрослого человека, наивность видения мира оборачивается глубиной его постижения, изображение, казалось бы, обычных явлений дополняется свободной игрой фантазии, воспитание в духе любви и патриотизма лишено оттенка назидательности.

Назидательность была, однако, проявлена в отношении самого Змая. В 1902 г. свет увидела объемная монография Л. Костица «О Йоване Йовановиче Змае», где прямо утверждалось, что обращение поэта к общественно-политической проблематике погубило его талант. Сам Костиц не чуждался литературной борьбы и полемике (например, с утверждениями первого сербского социалиста Св. Марковича об «утилитарном» характере искусства), однако полагал, что поэзию не следует смешивать с публицистикой. Неприемлемой для Костица была и преимущественная ориентация Змая на раскрытие чувств и душевных переживаний, некоторая недооценка интеллектуального начала в творчестве.

Последний выдающийся представитель сербского романтизма, Л. Костиц (1841–1910) во многом напоминал предтечу этого направления П. П. Негоша: он также был поэтом-философом и европейски образованным человеком (Костиц владел греческим и латинским, английским и французским, немецким, русским и венгерским языками). Как и Негош, он обращался к мировой литературной традиции: Гомеру и Шекспиру, Гете и Мольеру (увлечение античными авторами и Шекспиром было особенно сильным, Костиц писал о Шекспире и переводил его в течение тридцати лет). Как и Негош, Костиц воспринимал мир как борьбу противоположных начал и признавал его парадоксальность, как и Негош, высоко ценил народную поэзию. Наконец, в творчестве Костица часто звучат религиозные мотивы: поэт ро-

дился и вырос в окрестностях монастыря Ковиль близ Нови-Сада и испытал, по его словам, сильное влияние церкви. При этом Л. Костич в отличие от Негоша был настоящим романтиком: он творил «между явью и сном», как гласило название одного из самых известных его стихотворений; его метафорические картины и языковые нововведения были самым дерзким экспериментом в истории сербской литературы XIX в.; бунтарские и даже богоборческие мотивы звучали подчас в его творчестве с исключительной силой.

Даже само обращение поэта к философии совпадало с ключевым положением немецкого романтизма. «Поэзия – героиня философии. Философия поднимает поэзию до значения основного принципа. Она помогает нам познать ценность поэзии», – писал Новалис. Еще более категоричен был Ф. Шлегель: «Вся история современной поэзии – непрерывный комментарий к краткому тексту философии: искусство должно стать наукой; и наука должна стать искусством; поэзия и философия должны объединиться».

Философские сочинения Костича («Основы красоты в мире с особым вниманием к сербским народным песням», 1880; «Основные принципы. Критическое введение в общую философию», 1884) во многом продолжали и развивали мысли, высказанные им в поэзии и драматургии, однако современная поэту критика не придавала этим работам должного внимания. Возможно, это объяснялось несовпадением мировоззренческих позиций Костича и большинства его современников в 80-е гг., возможно, сказалось и то, что публикации художественных произведений Костича и его политическая активность пришлись, в основном, на предшествующий период.

В 60–70-е годы было написано большинство его стихотворений и поэм: две книги его «Стихов» выходят в 1874 и 1875 гг. (последнее прижизненное издание в 1909 г. было юбилейным, хотя в него вошло знаменитое «Santa Maria della salute»). В 60–70-е годы появляются и две стихотворные драмы Костича «Максим Черноевич» (1863 г.) и «Пера Сегединац» (1875 г.) (героическая комедия «Гордана», написанная в 1890 г., заметно уступала предшествующим произведениям и особенно «Максиму Черноевичу»).

Период творческого подъема совпадал с периодом страстной увлеченности национальной идеей, мыслью об освобождении и объединении сербов. Сын офицера, воспитанный в патриотическом духе и получивший классическое образование, доктор права и полиглот, страстный трибун, ставший впоследствии представителем сербов в венгерском парламенте, Костич вступил на поле политической битвы почти одновременно с рождением Омладины и стал видным соратником Св. Милетица. Однако примерно спустя десятилетие поэт разочаровывается в возможностях политической борьбы, сближается с церковно-консервативными кругами и переходит на государственную службу в Сербию (пресс-секретарь главы сербского правительства Й. Ристича на Берлинском конгрессе, секретарь сербского посольства в Петербурге). В дальнейшем по приглашению князя Николая (Николы) I Негоша

Костич переезжает на семь лет в Черногорию, а затем возвращается в родные края, чтобы пережить страстное любовное чувство к юной, вскоре скончавшейся Елене Дунджерской и жениться на богатой вдове, обеспечив себе спокойную старость. Противоречия проявлялись, видимо, не только в художественном мире Л. Костича.

И жизненный, и творческий путь поэта несколько напоминает судьбу Прометея: бунт против небожителей оборачивается нестерпимым страданием и завершается смирением и признанием существующего порядка. В стихотворениях «Моя звезда» и «Эй, рабский мир», в поэмах «Прометей» (1862) и «Адриатический Прометей» (1870) утверждается идея борьбы с божественной и земной властью, в поэме «Женитьба дожа» (1879) звучит недовольство церковью и хищнической политикой Венеции.

Сама любовь не в силах примирить поэта с жизнью, так как в несовершенном мире чистые и возвышенные чувства сразу же вступают в столкновение с окружающей действительностью и даже успешное преодоление препятствий может привести к трагическим последствиям. В лирико-иронической поэме «Минадир» (1862) главный герой, скульптор, получив разрешение жениться на царской дочери, умирает от счастья, что влечет за собой смерть царевны и ее отца. В поэме «Самсон и Далила» (1867–1869) героиня стремится придать своей любви к Самсону более одухотворенный облик: не физическая сила и красота, но духовное благородство мужчины должно поддерживать в женщине пламень чувства. Но как только Самсон предстает бессильным и обезображенным, в Далиле просыпается ненависть к убийце ее мужа...

Трагически прерывается счастливая супружеская жизнь в поэме «Изменница» (1874). Поп Миле, сражавшийся против турок, выдан врагу своим побратимом игуменом Мратой, польстившимся на молодую попадью. Миле удается спастись, огонь карает преступников, однако гармония прежней жизни разрушена.

Трагическое столкновение побратимства и любви лежит также в основе трагедии «Максим Черноевич». В отличие от народной песни, где сын черногорского князя убивает своего побратима Милоша из-за свадебных даров, у Костича смерть вызвана нелепой ошибкой: в то время как Милош собирается отказаться от девушки во имя побратимства, обезумевший от ревности Максим убивает своего друга.

Борьба с несправедливым мироустройством положена в основу трагедии «Пера Сегединац». Представители австрийских властей и сербского духовенства даны как воплощение цинизма, жестокости, вероломства и сладострастия, а главный герой, организовавший заговор против австрийской монархии, изображен настоящим патриотом, принявшим мученическую смерть во имя отчизны. Кончает жизнь самоубийством и дочь Перы Юла, не пожелавшая жить без любимого: ее жених Милан в силу трагического недоразумения был убит на поединке Перой. Другой причиной самоубийства девушки стали гнусные посягательства на ее честь сербского митрополита Викентия.

Жестокости мира, всевластию слепого случая Костич противопоставляет веру в гармонию, в идеальные начала, в возможность воплощения красоты небесной в красоте земной. Таков венецианский храм Santa Maria della salute, символизирующий чистоту и непорочность Божьей Матери, невинность и красоту Елены Дунджерской, небесное начало в земном искусстве. Совершенство формы (стихотворение было написано октавой с повторением его названия в последней строке каждой строфы) лишь подчеркивало устремленность Костича к гармонии и совершенству бытия.

Реализм

(1870–1890-е годы)

Зарождение сербского реализма приходится на 60-е гг. XIX в. В 1861–1863 гг. появляется первый социальный роман Я. Игњатовича «Милан Наранджич», а с 1868 по 1872 гг. выходят в свет статьи С. Марковича «Поэзия и мышление», «Реальность в поэзии» и «Народ и писатели», ставшие, по существу, манифестом сербского реализма.

Формирование реализма в Сербии в 70–90-е гг. было обусловлено как внутренними закономерностями развития литературы, так и конкретными социально-историческими условиями. Утверждение официальной независимости молодого сербского государства в 1878 г. обусловило повышенное внимание к проблемам внутриполитическим и социальным, так как освобождение от турецкого гнета не означало освобождения от вековой отсталости и над Сербией нависала угроза превращения в аграрно-сырьевой придаток Австро-Венгрии. Даже к концу XIX в. общее число рабочих, занятых на промышленных предприятиях, не достигало двух тысяч человек, а общая мощность двигателей всех фабрик едва превышала 900 л. с. Цеховая организация ремесла потеряла свое значение в Сербии только после 1910 г.

С другой стороны, в 70–90-е гг. происходит распад больших патриархальных семей-здруг (к концу XIX в. в них оставалось не более 2% населения), расслоение крестьянства и разорение значительной части его. Серьезным бедствием для села было ростовщичество, вызванное потребностью развивающейся страны в капитале.

Стремительное разрушение старинного, патриархального уклада жизни, крайне замедленное формирование условий для развития производства создавало кризисную ситуацию, порождало народные выступления (Тимокское восстание, 1883 г.) и гайдучество, превратившееся в освобожденной стране в обыкновенный бандитизм. Недовольство сложившимся положением вело к идеализации патриархальных отношений, критике современных тенденций развития и проявлению идей утопического социализма.

Утверждение традиционных норм крестьянской жизни и неприятие некоторых сторон новой действительности проявились в творчестве Я. Игњатовича и М. Гли-

шича, Л. Лазаревича и Я. Веселиновича, С. Сремаца и, позднее, Б. Станковича. Необходимость сохранения общины как прообраза будущей социальной ячейки общества утверждал революционный демократ С. Маркович (1846–1875), также высоко ценивший крестьянский труд и считавший важнейшей задачей литературы изображение жизни народа.

Отчетливое противопоставление идиллического прошлого коррумпированной современности вело к сентиментально-романтическому изображению жизни с одной стороны и критическому, сатирически-юмористическому – с другой.

Важную роль играл и региональный характер литературы. Писатели, как правило, описывали жизнь своего родного края, часто весьма непохожую на жизнь других мест. Развита в экономическом и культурном отношении Воеводина отличалась от отставшей Сербии, а плодородные сербские земли (Мачва, Шумадия) совсем не походили на бедные, каменистые районы Черногории и Далмации. Наконец, южные сербские земли, освобожденные из-под власти турок только после 1878 г., жили своей особенной, «восточной» жизнью.

Региональный характер литературы нарушал единство ее развития. В целом сербский реализм развивался от рассказа с крестьянской тематикой к социальному роману, утвердившемуся лишь в 90-е гг. в творчестве С. Ранковича, однако первые социальные романы были созданы в 1860-е гг. писателем из Воеводины Я. Игњатовичем. С другой стороны, творчество черногорского писателя Ст. М. Любиши (70-е гг. XIX в.) совершенно укладывается в рамки фольклорно-реалистической прозы, напоминающей устное предание или рассказ.

Безусловно, в несколько меньшей степени фольклорное начало было присуще всей сербской литературе того периода. Оно проявлялось и в интересе к народной жизни, к народным верованиям и обычаям, народному мировосприятию, и в некоторой стилизации текста, не сводящей, впрочем, его к устному повествованию. Не случайно наибольшее влияние на сербских реалистов оказало творчество Гоголя, где ярко проявились и сказовая манера повествования, и юмор, и народная фантастика, и критика бюрократического режима. Велика была роль и других русских реалистов: Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского. Немецкое литературное влияние, характерное для эпохи романтизма, сменилось преимущественным интересом к русской классической литературе.

Развитие сербского реализма было связано с демократизацией культуры, успехами просвещения. Наряду с Народной библиотекой (1853) в Белграде появляются библиотеки, созданные Учительским обществом (1882) и Рабочим обществом (1895), последователь С. Марковича В. Пелагич открывает в 1868 г. в Бانيا Луке Сербскую читальню. Выходит множество журналов самой различной ориентации: от строго консервативной до социалистической. Исключительно важную роль сыграл журнал «Отаджбина» («Отечество»), выходивший с некоторыми интервалами с середины 70-х до начала 90-х гг. и издаваемый В. Джорджевичем, основателем

Сербского Красного креста, Общества сербских врачей и других важных общественных организаций. Вокруг этого журнала, ориентированного на «литературу, науку, общественную жизнь», собирались лучшие сербские писатели того времени, по словам Й. Деретича. «Отаджбина» стала зеркалом достижений сербской литературы того времени.

Начало развития сербского реалистического романа связано с именем Я. Игнатовича (1822–1889), уроженца небольшого сербского городка Сент-Эндре около Пешта. Человек консервативных и в то же время несколько приземленно-материальных убеждений, сторонник венгров даже в период сербско-венгерских конфликтов, Игнатович не мог вызывать особого восхищения у своих читателей. Его произведения, по мнению Й. Деретича, лишены завершенности, подчас неряшливы по форме, отличаются архаическим и необработанным языком, хотя, с другой стороны, в них видны наблюдательность автора и хорошее знание жизни.

В творчестве Игнатовича проявилось влияние как авантюрно-юмористического, «плутовского» романа, так и романа сентиментально-романтического. Не случайно уже в «Милане Наранджиче» появляются своеобразные Дон-Кихот (герой-идеалист Бранко Орлич) и Санчо Панса (сам Милан Наранджич), причем в конце концов в произведении торжествует принцип материальной выгоды.

В романе «Васа Решмект» (1875) автор, наоборот, стремится утвердить права сильной, романтически настроенной личности, вступившей в конфликт с обществом и потерпевшей в этой борьбе поражение.

Одна из причин трагической судьбы Васы Решмекта, завершившего свои дни в тюрьме, – неправильное, жестокое воспитание (сам Игнатович был сиротой и прошел через подобные муки). Неравномерность распределения ласк и строгости ведет к тому, что из двух братьев в романе «Вечный жених» (1875) один вырастает добрым, но женоподобным и безвольным юношей («вечный жених» Шамика), а другой – сильным, но жестоким, способным на злодейство мужчиной (Пера). Сентиментальное начало в наибольшей мере воплощено в романе «Мученица» (1835), где молодую безвинную сноху преследуют всевозможные несчастья вплоть до лишения ребенка и угрозы тюремного заключения.

Безусловно, романам Игнатовича присуще и социальное начало. Писатель рисует процесс разорения старинных купеческих семей («Вечный жених»), раскрывает изменения в социальном поведении сербских ремесленников («Старые и новые мастера», 1883), изображает жестокость жизни воеводинских крестьян («Странный мир», 1869). До 90-х гг. XIX в. романы Игнатовича остаются высшим достижением этого жанра в сербской литературе.

В отличие от Я. Игнатовича М. Глишич (1847–1908) родился в центральной Сербии в крестьянской семье (в с. Граце недалеко от Валево) и придерживался прогрессивных в то время убеждений. Будучи сторонником С. Марковича, он был даже арестован в 1872 г. за перевоз запрещенной брошюры своего учителя «Сербия на

Востоке». В социализме Глишич видел действенное средство борьбы против коррупции и ростовщичества, безудержной эксплуатации крестьянства. В известном рассказе «Голова сахара», опубликованного в 1875 г. в журнале «Отаджбина», писатель раскрыл механизм разорения народа, против которого объединяются капитал, власть и церковь.

Впрочем, в это же время Глишич выступает с памфлетом «Новый мессия» против сторонника С. Марковича – В. Пелагича, а впоследствии смягчает свою критику режима и негативных социальных явлений, обращая преимущественно к юмору («Намордник», «Зловещее число», «Учитель»). Отдельные попытки сатирического изображения городской жизни (например, о вынужденном «путешествии» покойника из одного полицейского участка в другой в рассказе «Прогулка после смерти») не достигали своей цели.

Глишич не скрывает отсталости и предрассудков крестьян, увидевших в обезьяне «дикого человека» («Редкий зверь»), хотя в то же время часто смотрит на мир глазами человека из народа, обращаясь к суевериям, поверьям, вымыслам о нечистой силе. В рассказе «Через девяносто лет» описаны не только ночная борьба храброго юноши с вампиром, но и бытовавшие в народе способы истребления вурдалаков. Об интересе Глишича к устному народному творчеству свидетельствовал опубликованный им в 1872 г. сборник сербских народных песен.

Идеализация патриархальной действительности звучит в одном из последних рассказов Глишича «Первая борозда», опубликованном в 1885 г. (два прижизненных сборника рассказов писателя вышли в 1879 и 1882 гг.). Крестьянка, оставшись без мужа, сумела поднять на ноги детей, сохранить хозяйство и дожидаться, когда ее сын проведет своей рукой «первую борозду». Поэтизация крестьянского труда, вера в конечную победу добра, присущие и другим сербским реалистам, проявляется в этом произведении с особенной силой.

После 1885 г. Глишич выступает в основном как переводчик. Он обращается к французской и немецкой литературе, однако особое его внимание привлекает русская классика. Глишич знакомит сербского читателя с «Мертвыми душами» (1871) и «Тарасом Бульбой» (1876), с «Грозой» (1881) и «Обломовым» (1876), «Крейцеровой сонатой» (1890) и «Войной и миром» (1899–1901). При этом иногда приходилось несколько упрощать перевод, приближать произведение к читающей публике, обращаться к своеобразной «сербизации» текста. Чисто художественные потери в таком случае компенсировались решением просветительских задач.

Хорошо знал русскую литературу и Л. Лазаревич (1851–1890), мастер психологического рассказа, испытавший особо сильное потрясение от прочтения «Войны и мира». Как и Глишич, Лазаревич в юности увлекался идеями социализма, однако во время раскола Омладины на либералов и сторонников С. Марковича безоговорочно присоединился к первым. Следование патриархальным семейным традициям (Лазаревич происходил из обедневшей купеческой семьи), необходимость заботы

о близких в связи с ранней смертью отца, чрезвычайно почтительное отношение к матери во многом обусловили жизненный и творческий путь писателя.

После изучения медицины в Берлине Лазаревич возвращается в Белград (1872 г.) и вскоре становится одним из лучших сербских специалистов, автором многочисленных трудов, личным врачом короля Милана Обреновича. Напряженная профессиональная деятельность и ранняя смерть от туберкулеза не позволили полностью развернуться таланту Лазаревича: им было опубликовано всего восемь рассказов, а девятый – «Швабица» (т. е. немка), не вполне завершённый, с автобиографической основой, – был найден после смерти в бумагах писателя.

Почти все произведения Лазаревича – «Первый раз с отцом к заутрене», «Школьная икона», «У колодца», «Вертер», «Ветер», «Он знает все» – посвящены утверждению патриархальной морали в городе и на селе. Проигравшийся в карты отец готов покончить жизнь самоубийством, но его спасают жена и дети, и он впервые отправляется с сыном в церковь. Дочь священника, убежавшая из родного села с учителем-социалистом, возвращается домой, узнав о пожаре в школе и о смерти ее отца, спасшего школьную икону св. Саввы. Самовольная сноха ставится «дедом», главой задруги, в исключительно привилегированные условия и познает, что радость единения с людьми достигается исключительно путем смирения. Молодой человек осознает всю пагубность увлечения замужней женщиной («Вертер»), а мальчик склоняется перед авторитетом старшего брата («Он знает все»). В рассказе «Ветер», написанном на Рождество 1888 г., утверждает всевластие Провидения.

Вместе с тем писатель не скрывает драматизма действительности, глубоких душевных переживаний героев, особенно в рассказе «Ветер», где мать *взглядом* запрещает сыну женитьбу на любимой девушке. Лишь в рассказе «В добрый час, гайдуки» (1880) конфликт сглажен, а ситуация упрощена: обычный крестьянский парень в одиночку разоружает нескольких гайдуков и в награду получает любимую девушку. Наиболее драматичен рассказ «Всё это народ позолотит», повествующий о судьбе солдата-инвалида, превращающегося на глазах у рассказчика в нищего просителя подаяния и осознающего весь трагизм своего положения. Печальна судьба героя рассказа «Швабица», вынужденного из-за обязанностей перед семьей и народом отказаться от женитьбы на любимой девушке-иностранке.

Психологизм Лазаревича проявляется в различных формах: в субъективизации внешнего мира, увиденного рассказчиком, в обращении к приему письма, внутреннему монологу, ретроспекции, приему сна. Так, в самом «облегченном» рассказе «В добрый час, гайдуки» чиновник-повествователь, остановившийся в крестьянском доме, видит сон, как его щекочет колоском ржи понравившаяся ему молодая крестьянка, (совсем по Фрейдю, когда субъект и объект любви меняются местами), но потом его ноги давит мельничный жернов (табу срабатывает и на уровне подсознания). Весь рассказ «Швабица» состоит из двенадцати писем героя своему побратиму, являя собой по существу развернутый внутренний монолог. Внешний

мир в рассказе «Первый раз с отцом к заутрене» увиден глазами ребенка. Диалоги героев благодаря краткости фраз часто приобретают глубинный, скрытый смысл.

Идеализация патриархальной действительности, присущая Л. Лазаревичу, в еще большей степени проявляется в творчестве Я. Веселиновича (1862–1905). Сын священника, он с 18 лет начинает преподавать в одном из сел в Мачве, женится на девушке из богатой крестьянской семьи и впоследствии включается в политическую борьбу на стороне оппозиционной Радикальной партии. В 1893 г. Веселинович переезжает в Белград, где издает журнал «Звезда» и занимает пост драматурга Народного театра. Тяжело больной, перед смертью он возвращается в родное село.

Основное место в творчестве Веселиновича занимает рассказ с крестьянской тематикой. В 1886 и 1888 гг. выходят две его первые книги под названием «Картины сельской жизни», в дальнейшем появляются «Полевые цветы» (1890–1891), «Картины учительской жизни» (1890), «От сердца к сердцу» (1893), «Райские души» (1894), «Зеленые кладовые» (1895) и т. д. В 1888 г. Я. Веселинович пишет «этнографическую» повесть «Крестьянка», где первоначальная идиллическая картина нарушается смертью многих персонажей. Главная героиня крестьянка Анджелия после эпидемии холеры остается одна с сыном, которого с большим трудом вырашивает и воспитывает, но впоследствии его смерть разлучает их.

Если в «Крестьянке» Веселинович стремился показать силу духа простой сербской женщины, то в историческом романе «Гайдук Станко» (1896) писатель хотел раскрыть лучшие черты сербского национального характера: простоту и доверчивость, верность слову и мужество, способность к самопожертвованию и верность национальным святыням. Замыслу писателя способствовал выбор темы: обращение к Первому сербскому восстанию, а также возвышенно-романтическое воспроизведение действительности. Несмотря на очевидную наивность повествования, о чем свидетельствуют уже названия глав: «Злодей», «Клевета», «Гром среди ясного неба», «Странная клятва», «Благословение Божие», «Отчаянная борьба», «Странная битва», Веселиновичу действительно удалось постичь характер сербского народа, его идеалы и устремления, что обеспечило книге невиданную популярность и включение в обязательную школьную программу.

Резкое разделение на положительных и отрицательных персонажей присуще и незавершенным «общественным» романам писателя «Борцы» и «Герой наших дней». В первом произведении молодой и честный сторонник Радикальной партии учитель Йова вступает в спор с морально нечистоплотными представителями полицейской власти, а во втором политическому карьеристу и ренегату противостоит настоящий борец за народные права. Контраст проявляется и при сопоставлении отдельных произведений Веселиновича. Идиллическая картина жизни в большинстве его рассказов дополняется повествованием о бесчинствах и незаконном обогащении местного старосты («Староста Илья»), о тяжелой судьбе сироты-подпаска

(«Маленький Стоян») и старика, изгнанного из семьи («Дядя Пера»). В рассказе «Дядя Тома» главный герой, прослуживший тридцать четыре года в батраках, кончает жизнь самоубийством, а сельская учительница, героиня рассказа «Белая ворона», оказывается в окружении аморальных и эгоистичных людей.

Трагическое мироощущение, лишь изредка проявляющееся в творчестве Веселиновича, гораздо отчетливее прозвучало в романах С. Ранковича (1863–1899). Сын сельского священника, он в молодости пережил гайдуцкое нападение на их семью, в результате которого его отец был убит, мать и сестра тяжело ранены, а сам Светолик остался в живых лишь чудом. В 1897 г. С. Ранкович тяжело заболел туберкулезом, и в это же время были написаны основные его произведения – романы «Лесной царь» (1897), «Сельская учительница» (1899) и «Разрушенные идеалы» (не окончен, опубликован в 1900 г.).

Исключительное влияние на Ранковича, обучавшегося в свое время в Киевской духовной академии, оказала русская литература, и в первую очередь творчество Толстого и Достоевского, что отмечал еще его младший современник, крупнейший сербский критик Й. Скерлич (1877–1914). В романах Ранковича герои вынуждены совершать нравственный выбор, драматические обстоятельства дополняются ошибками персонажей, писатель стремится психологически мотивировать поведение своих персонажей. Некоторые образы Ранковича (учитель Гойко из «Сельской учительницы») напоминают добрых и беспомощных героев Достоевского, а сам роман «Сельская учительница» сопоставлялся рядом критиков по тематике и проблематике с «Анной Карениной».

Вместе с тем в произведениях Ранковича отражаются важнейшие проблемы сербской действительности. Роман «Лесной царь» был написан по материалам судебного процесса над гайдуками в г. Чачаке, где было более ста обвиняемых и около тысячи четырехсот свидетелей. В романе раскрыты социальные корни гайдучества, показана роль организаторов этого явления. Ранкович не скрывает поддержки, оказываемой гайдукам частью крестьянства, крестьянство в целом показано довольно негативно. Арест и расстрел главного героя Джурицы представлены автором как вполне закономерные явления.

Трагически завершается и роман «Сельская учительница»: его героиня Любица кончает жизнь самоубийством. Молодая идеалистка, приехавшая в село просвещать народ, сталкивается, как и в рассказе Я. Веселиновича «Белая ворона», с недоверием, непониманием и даже ненавистью окружающих и оказывается в полной зависимости от местных властей. Не выдержав жестокого испытания, Любица становится любовницей полицейского писаря Перы, затем также без любви выходит за местного учителя Гойко и обманывает последнего с другим учителем, Велью. Смерть Гойко, узнавшего об измене жены и не выдержавшего такого удара, позволяет Любице выйти замуж за Велью, но в этом случае героиня сама оказывается в положении ее первого мужа и стреляется из револьвера.

Страх перед испытаниями и стремление к счастью, не ограниченное моральными нормами, ведет человека к гибели, отмечает Ранкович. При этом писатель исподволь показывает и некоторые негативные черты характера героини, такие, как жадность, некоторая душевная черствость. Выявляя трагическую роль обстоятельств, писатель не снимает ответственности и с героини.

Последний роман Ранковича наиболее субъективен и далек от актуальной общественной проблематики. Речь идет о молодом идеалисте Любомире, заживо похоронившем себя в монастыре (следует отметить, что Ранкович, человек религиозный, преподававший богословие, никак не хотел принимать сан священника). Игумен Савва показан мрачным деспотом, потерявшим смысл жизни и в конце концов предлагающим Любомиру бежать из «святой обители». Герой отвергает подобный совет и в конце концов сам становится игуменом, но ощущение безнадежности совершенно охватывает его душу.

В отличие от Св. Ранковича С. Матавуль, С. Сремац и Б. Нушич, как правило, обращаются к изображению комических сторон действительности, хотя у Матавуля юмористический взгляд дополняется возвышенно-романтическим и даже фольклорно-мифологическим восприятием жизни, а смех С. Сремаца часто сопровождается «невидимыми миру слезы». К гоголевским традициям обращается в начале своего творческого пути и Б. Нушич. Гоголя, как известно, переводил М. Глишич, а «Гайдук Станко» Я. Веселиновича вызывал у современников некоторые ассоциации с «Тарасом Бульбой». Первым напечатанным произведением С. Матавуля было стихотворение «В ночь на Ивана Купалу».

Обращение С. Матавуля (1852–1908) к фольклору и романтическим традициям в значительной мере объяснялось местными обычаями. Сам писатель отмечал, что в его родном далматинском городе Шибенике было слишком много импонирующего поэтически настроенной душе. Нежный трубадур и суровый воин, трудолюбивый земледелец и отличный рассказчик часто уживались в одном человеке. Рассказы о вурдалаках и ведьмах, русалках и вилах, огнедышащих драконах и тайных кладях были близки всем шибеничанам.

Другим источником вдохновения Матавуля была героическая Черногория. В 1877 году Матавуль сражался в рядах черногорцев против турок, почти все восьмидесятилетние годы писатель провел в Цетине, общая там одно время с Л. Костицем. Не случайно два первых сборника рассказов С. Матавуля, вышедших в 1888 и 1889 годах назывались «Из Черногории и Приморья». Впоследствии сборники рассказов «Из жизни Приморья» (1890), «С Адриатики» (1891), «Облик Приморья» (1829) дополняются «Белградскими рассказами» (1902) и рассказами «Из белградской жизни» (1891).

Описанию черногорской жизни был посвящен и первый роман Матавуля «Ускок» (1891), первоначально названный «Ускок Янко». В произведении доминируют романтические мотивы свободы и молодости, храбрости и красоты, любви и смерти. Исключительной представляется фигура главного героя, чешского арис-

тократа, графа, сражавшегося на стороне Наполеона и попавшего впоследствии рядовым в заброшенную австрийскую крепость Котор на границе с Черногорией. Шесть долгих лет проводит Янко в своей тюрьме, мечтая о свободе, и однажды, используя благоприятный случай, бежит в Черногорию.

Матавуль снимает присущее романтизму столкновение цивилизации и патриархальной простоты нравов. Чешский граф легко принимает обычаи и нравы черногорцев и влюбляется в местную девушку, отвечающую ему взаимностью. Однако конфликт в романе не исчезает, он трансформируется в пра-исторически древнюю, присущую родовому, мифологическому сознанию оппозицию: свой – чужой. По черногорскому обычаю девушка с детства обручается со своим будущим женихом, и изменить ее судьбу может только поединок любимого человека с выбранным для нее женихом. В этом поединке Янко погибает, и любовная история обрывается на трагической ноте.

Романтическая сюжетная линия мирно уживается в романе с ярко выраженным этнографическим началом, описанием народных обычаев, жилища, одежды, оружия, а также народного мировосприятия, народной этики, поскольку вся черногорская жизнь представляется писателем как воплощение возвышенного идеала.

Совсем по-другому, реалистически, представлена уже не черногорская, а далматинская действительность в романе «Баконя фра Брне» (1892). Это произведение выросло из новеллы и объединено образом главного героя, умного и живого крестьянского мальчика, оказавшегося в монастыре (сам Матавуль провел в монастыре четыре года, готовясь к пострижению в монахи). Многочисленные комические сцены, явное недоверие к монашеской жизни, воспринимаемой не без основания местными крестьянами как привольное и беззаботное житье, отнюдь не превращают роман Матавуля в сатиру на определенный социальный слой общества. Крестьяне в романе также наделены многочисленными недостатками: жадностью, склонностью к воровству, завистью и любовью к скандалам, а монахи не лишены привлекательных человеческих черт.

И все же жизнь в монастыре постепенно убивает человека. В рассказе «Баконя в Белграде» вместо умного и крепкого крестьянского парня перед читателем предстает разевшийся ханжа и трус, потерявший все симпатии автора. Полной противоположностью новому Баконе предстают вольнолюбивые черногорцы (рассказ «Святая месть»). Однако вчерашние герои вынуждены отправляться за куском хлеба в дальние края («На чужбину»), на смену патриархальному героизму приходит «новое оружие» – просвещение (рассказ «Новое оружие»), аристократия переходит от рыцарского меча к кассе ростовщика (рассказ «Последние рыцари»). Фольклорно-романтическое восприятие мира у Матавуля дополняется трезвым, реалистическим взглядом на действительность.

В отличие от С. Матавуля С. Сремац (1855–1906) не мог признать закономерности и оправданности наступления новых времен. Воспитанный своим дядей, круп-

рым историком и видным деятелем либеральной партии Й. Джорджевичем, С. Сремац до конца своих дней сохранил верность консервативным взглядам на мир, что, впрочем, прекрасно уживалось с природным демократизмом писателя. В первом известном произведении С. Сремаца повести «Праздники» (1895) стегальщик одел Ивко, славящий, по обычаю, день своего святого – покровителя семьи, не может избавиться от званых и незваных гостей в течение трех дней, что ведет к рождению массы комических ситуаций. При этом и автор, и его герои далеки от восприятия мира сквозь призму частной собственности. Почти раблезианское веселье, простота и естественность человеческих отношений свидетельствовали, по мнению автора, о безусловных ценностях патриархального мира, где ни деньги и знатность рода, а общественное, народное мнение являлось высшим авторитетом.

Не в силах противостоять ему сам родовитый и богатый хаджи Замфир, отуречившийся сербский полупомещик-полуторговец из повести «Зона Замфирова» (1907). Узнав, что по городку пронеслась весть о побеге его дочери Зоны к золотых дел мастеру Мане, хаджи Замфир вынужден согласиться на брак молодых, хотя весь «побег» был инсценирован самим Мане, а роль похищаемой девушки сыграл его переодетый друг.

Близость народной среде обеспечивает некоторое преимущество попу Спири в его борьбе с попом Чирой (повесть «Поп Чира и поп Спира», 1894), напоминающей, впрочем, известную тяжбу Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Анекдотическая ситуация (драка двух попов из-за жениха для своих дочерей) обрывается в конце произведения печальной картиной испорченных отношений между людьми и изображением безрадостной жизни «жениха», сделавшего в свое время неправильный выбор и отказавшегося от простой и милой девушки в пользу городской кокетки. В то же время счастье приходит к молодым людям, сохранившим связь с национальными корнями (дочь Спиры Юла).

С другой стороны, осмеянию у Сремаца подвергаются сторонники различных нововведений. В повести «Лимунация в селе» такой фигурой является учитель-социалист, пытающийся учить взрослых крестьян как жить и как обрабатывать землю. В конце концов непризнанный пророк вынужден убраться из села после устроенного там пожара – «лимунации» (иллюминации) в связи с годовщиной революции в Бразилии. В повести «Вукадин» (1903) осмеивается выходец из крестьян, не желающий идти привычной стезей и перебирающийся в город. Лишенный корней, талантов и способностей, Вукадин живет за счет хитрости и аморальности поведения, хотя недостаток ума часто ставит его в комические и невыгодные ситуации. И лишь в финале повести главный герой добивается исполнения своих желаний: обуздав на арене цирка неукротимого осла Буцефала, он становится «национальным героем» и получает желанное место таможенного чиновника, где в свое время изрядно потрудились и Павел Иванович Чичиков.

Новые времена способствуют падению морали. В повести «Кир-Герас» (1908) главный герой, греческий торговец, старик, гордящийся своей хитростью, но по су-

ществу не нарушающий законов патриархальной морали, бессовестно обманут и разорен своим учеником-сербом, лишенным элементарных представлений о нравственности. Несмотря на некоторый комизм ситуаций (оскорбленный в лучших чувствах старик превращается в мизантропа, лишь впоследствии примирившегося с людьми), драматическое начало и здесь проявляется довольно ясно.

С. Сремац, лучший юморист среди сербских писателей-прозаиков, прекрасно осознавал быстротечный характер жизни. В его произведениях, пожалуй, впервые в сербской литературе звучит мотив печали об уходящей молодости, развитый впоследствии Б. Станковичем. В новом для сербской литературы мире средних и низших городских слоев Сремац увидел не только комические противоречия, но и сложные жизненные коллизии.

Драматический, а подчас и трагический взгляд на мир не чужд был и крупнейшему сербскому комедиографу Б. Нушичу (1864–1938). Однако в рассматриваемый период, 80–90-е годы XIX в., писатель почти исключительно обращается к сатире и юмору. Первая комедия Нушича «Народный депутат» (1883) вызвала настоящий испуг у директора Народного театра в Белграде М. Шапчанина, посоветовавшего юноше спрятать свое произведение как можно дальше от любопытных глаз. Критика механизма выборов в парламент, а значит и всей политической системы, царящей в стране, была слишком опасным предметом. Несмотря на положительный отзыв Л. Лазаревича и М. Глишича комедия в смягченной редакции была поставлена лишь в 1897 г., а полностью опубликована в 1924 году. Комическое столкновение двух кандидатов в депутаты – абсолютно послушного властям торговца Еврема Прокича и оппозиционно настроенного адвоката Ивковича – ярко раскрывало характер правящего в Сербии режима, основанного не только на насилии, но и на соглашении с политическими противниками, подтвердившими свою значимость.

В произведении Нушича комизм обусловлен как характерами героев и колоритом бытовых сцен, так и своеобразием интриги. Ивкович снимает несколько комнат в доме Еврема Прокича, молодой адвокат влюблен в дочь своего политического соперника и встречает ответное чувство. И наконец, Еврем Прокич, предполагая, что предвыборная речь Ивковича составлена лучше его собственной, крадет запись своего квартиранта и читает их от своего имени перед собственными избирателями. Неудача не обескураживает торговца: в конце пьесы он убежден, что войдет в парламент хотя бы как тесть депутата.

Критика современной действительности была продолжена в комедии «Подозрительная личность» (1887), получившей у Нушича подзаголовок «Гоголиада в двух действиях». Картина провинциального городка у Нушича во многом напоминает быт и нравы уездного города в «Ревизоре». Бывший почтмейстер (т. е. почти шпион), окружной начальник Еротие Пантич управляет городком как своей вотчиной, один из его писарей – пьяница, а другой – «рыцарь копейки» и вымогатель. Естественно, получив депешу о возможном появлении в их краях опасного револю-

ционер-анархиста, они тут же стремятся выслужиться перед начальством и найти подходящую кандидатуру для ареста. По иронии судьбы стражи порядка арестовывают мирного аптекаря Джоку, приехавшего на любовное свидание к дочери Еротия Пантича...

Как и «Народный депутат», «Подозрительная личность» не могла быть опубликована или сразу поставлена на сцене. М. Шапчанин посоветовал Нушичу не просто спрятать, а сжечь эту комедию, сам Нушич не решился поставить ее на сцене Народного театра в 1900 г., хотя в то время руководил им. Лишь в 1923 г. зрители впервые познакомились с этим произведением.

1887 г. был пиком политической оппозиционности Нушича. За сатирическое стихотворение «Два раба», где описывались похороны героя сербско-болгарской войны 1885 г. майора Катанича и погребение приближенной ко двору старухи матери генерала Франасовича, Нушич получил два года тюрьмы, так как его политическая инвектива была направлена не только против военных чиновников, «не заметивших» смерти заслуженного офицера, но и против короля, лично прибывшего на похороны знатной дамы. Получалось, что судьба двора волновала короля значительно больше, чем судьба страны.

Двухлетний срок пребывания в тюрьме был впоследствии сокращен Нушичу до нескольких месяцев, в камере молодого писателя навесил сам король, объяснивший ему воспитательными целями и столь суровое наказание и столь быстрое помилование.

Впрочем, и сам Нушич в это время отступает от резкой политической критики власть имущих. В комедии «Протекция», написанной в тюрьме, молодой редактор оппозиционной газеты готов значительно смягчить свою критику ради брачного союза с дочерью критикуемого им же министра. При этом и сам министр проявляет завидную терпимость к чужим взглядам. В дальнейшем, вплоть до 1903 г., падения династии Обреновичей и завершения первого этапа творческого пути Нушича, драматург обращается либо к шутивным комедиям («Обыкновенный человек», «Шопенгауэр»), либо к драматическим произведениям, рисующим частную жизнь («Первый судебный процесс», «Так должно было быть»). Особняком стоит историческая трагедия «Князь Иво Семберийский», написанная по мотивам народной эпической песни.

Сербский реализм 70–90-х гг. XIX в. означал важный этап в развитии национальной литературы. Настоящее, полноценное развитие получила проза, значительных успехов достигла комедия. Были сделаны первые важные шаги на пути создания национального романа, юмористически-сатирическое изображение действительности углубилось благодаря обращению ряда писателей к социально-психологическому анализу. Новые тенденции в литературе начала XX века были подготовлены предшествующим процессом.

Учебное издание

Мещеряков Сергей Николаевич
Сербская литература второй половины XII – XIX вв.
Краткий очерк истории

Учебное пособие

Печатается в авторской редакции

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Зав. отделом *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Издательство ООО "МАКС Пресс"
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
Подписано к печати 26.07.2004 г.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 4,0. Тираж 100 экз. Заказ 844.
Тел. 939-3890, 939-3891, 928-1042. Тел./Факс 939-3891.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.

50 =

УНЦ (410 - CC)
14-565

7